

ВАЛА 18

ШКАФЪ

ПОЛКА

№

18 173.5.9

М. М. Ядринцевъ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ.

ИЗДАНИЕ 2-ОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ 16 СИБИРСКИМИ ВИДАМИ И ТИПАМИ.

Цена 4 руб.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе И. М. Свирикова.
1892.

Въ Спб. книжныхъ магазинахъ РИККЕРА (Невскій. 14), ЦИНЗЕРЛІНГА (Невскій. 20), „Нового Времени“ и въ Сибирскомъ книжномъ магазинѣ МАКУШИНА, въ Томскѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩІЯ КНИГИ:

- II. Златовратскій. Собрание сочинений въ 2-хъ томахъ съ портретомъ автора.
М. 1891 г. Ц. 3 р., съ пересыпкой 3 р. 75 к.
- Рыбетниковъ, Ф. Сочиненія. 2 тома. Соб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Эволюція собственности. Ш. Лестурно. Соб. 1890 г. Ц. 3 р. съ пересыпкой 3 р. 30 к.
- В. Кресторенскій (всевднѣніе). Первая борьба. Соб. 1890 г. Ц. 1 р., съ пересыпкой 1 р. 25 к.
- Основы начальной психологии и ее приложения въ воспитаніи Д. Савицкаго. Соб. 1888 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пересыпкой 2 р.
- Этика. Иллюстрированные факты изъ моральной практики жизни. В. Бунин.
Т. I. Соб. 1888 г. Ц. 2 р., съ пересыпкой 3 р. 25 к.
- Тоже Т. II. Соб. 1888 г. Ц. 2 р.
- Демократическая политика. Т. Радец. Соб. 1889 г. Ц. 50 к., съ пересыпкой 1 р.
- Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. В. И. Семеневского. Т. I. Крестьянскій вопросъ въ XVIII-мъ и первой четверти XIX вѣка. Соб. 1888 г. Ц. 3 р., съ пересыпкой 3 р. 40 к.
- Тоже. Т. II. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая. Соб. 1888 г. Ц. 3 р., съ пересыпкой 3 р. 40 к.
- Таблицы для определенія минераловъ по наименованию и признакамъ. Дра А. Вейбаха. Соб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересыпкой 1 р. 75 к.
- Н. М. Идринцевъ. Сибирь какъ колонія по географической, этнографической и исторической отрасли. Издание 2-е, исправленное и дополненное, иллюстрированное 16 сибирскими видами и таблами. Соб. 1892 г. Ц. 4 р.
- Л. И. Голодачевъ. Библиографический указатель статей, корреспонденций и ханжотокъ въ сибирской периодической печати по вопросу о золотопромышленности Сибири. Соб. 1890 г. Ц. 40 к., съ пересыпкой 55 к.
- Сибирские поэмы. (Стихотворения) Соб. 1886 г. Ц. 20 к., съ пересыпкой 25 к.
- А. Ушаковскій. очеркъ золотопромышленности въ Енисейской губѣ. Соб. 1888 г. Ц. 1 р., съ пересыпкой 1 р. 25 к.

СИБІРЬ—КАКЪ КОЛОНИЯ

Н. М. ЯДРИНЦЕВЪ.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНИЯ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ. ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНИИ.

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВУЗОВЪ
издание 2-е, исправленное и дополненное.

Иллюстрированное 16 сибирскихъ видами и типами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание И. М. Сибирякова.
1892.

NICOLAS YADRINTZEFF.

LA SIBÉRIE COMME COLONIE

CONSIDÉRÉ SOUS LE RAPPORT GÉOGRAPHIQUE, ETHNOGRAPHIQUE ET
HISTORIQUE.

DEUXIÈME ÉDITION AUGMENTÉE ET REFONDUE.

OUVRAGE ILLUSTRÉ DE 16 GRAVURES, REPRÉSENTANT DES VUES ET DES TYPES SIBériENS.

St.-PETERSBOURG.

1892.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I. Естественные и географические условия Сибири. Западная Сибирь. Открытие новыхъ странъ и ихъ вначеніе въ Петорії.—Пріобрѣтеніе Россіей азіатскихъ владѣній; значеніе этого событія.—Трудность первыхъ паслѣдований.—Первые путешественники въ Сибирь.—Изслѣдованіе сѣверныхъ береговъ и описание морей.—Орографический очеркъ Сибири.—Пространство и протяженіе территории.—Характеръ ея.—Арало-Каспийская низменность Западной Сибири.—Среднеазіатская степь, степи Западной Сибири и ихъ характеръ.—Горы и направление хребтовъ.—Тянь-Шань.—Алтайская система.—Характеръ Алтая.—Сѣверная предгорья и Сибирская Швейцарія.—Мѣста, привлекающія переселенцевъ.—Алтай и Телецкое озеро.—Колычынское озеро.—Долина Чуянымана и Башкауса.—Катунскій хребетъ п Сибирскіе Альпы.—Байла и зедники.—Бій и Катушь.—Путь чрезъ Алтай и Монголію.—Будущность Алтая. . . . .

1—29

ГЛАВА II. Естественные и географические условия Сибири. Восточная Сибирь. Орографія и строеніе.—Горы Восточной Сибири.—Саянскій хребетъ.—Течениe Енисея.—Минусинскій округъ и его характеръ.—Хлѣбная производительность.—Флора и фауна.—Дорога отъ Красноярска къ Иркутску.—Большой трактъ Сибірі.—Прібайкальская мѣстность.—Ангара, вытекающая изъ Байкала.—Течениe Ангары.—Озеро Байкалъ, его характеръ лѣтомъ и вліяние.—Флора и фауна около Байкала.—Кругобайкальская дорога.—Забайкалье, его характеръ и вначеніе въ будущемъ торговли на границѣ Китая . . . . .

30—49

ГЛАВА III. Естественные и географические условия Сибири. Амуръ и прибрежья Восточного океана. Орографія страны.—Амуръ, его протяженіе.—Горы системы, окружающей Амуръ.—Луговая пространства и пизменности.—Течениe Амура, удобства и затрудненія при плаваніи.—Иилка и ея мелководіе.—Уссури.—Флора и съ разнообразіемъ на Амурѣ.—Климатическая вліянія.—Распределеніе растительности.—Фауна Амура.—Илощадь и пространство Амурского края.—Бухты и гавани.—Плодородная мѣстность Амура.—Ночная птичность.—Выкарбоніе хѣбоній.—Сельское хозяйство.—Скотоводство.—Численность населенія.—Инородцы и китайцы.—Исторический очеркъ пріобрѣтенія Амура и причинъ первыхъ неудачъ занесенія.—Недостатокъ географическихъ познаній.—Остоятельства, вынуждавшія захватеніе.—Первые восторги и разочарования.—Неудачи при заселеніи.—

ГЛАВА XIII.

ИСТОРИЯ ПРОСВѢЩЕНИЯ ВЪ СИБИРИ.

Недостатокъ знаний при открытии Сибири. — Невѣжество сибирского общества въ XVIII ст. — Попытки просвѣщенія въ XIX стол. — Время Сперанскаго. — Ощущительный недостатокъ учебныхъ заведеній. — Пробуждающаяся любознательность и стремленіе къ образованію. — Возникновеніе университетскаго вопроса на Востокѣ, его история и время основанія университета въ Сибири. — Надежды, возлагаемыя на него и открывающаяся лучшая будущность края.

Ростъ и развитіе нашихъ окраинъ должны были находиться въ зависимости отъ распространенія нашей, высоты культуры и вообще умственнаго прогресса русскаго населения. Если бы знанія и наука одушевляли первыхъ открывателей, если бы они обладали знаніемъ природы, то борьба въ дѣятельной странѣ досталась бы легче и не стоила бы многихъ жертвъ. При помощи знанія русскіе люди легко бы открыли богатства страны, стѣумѣли бы болѣе воспользоваться дарами природы и создали бы цивилизованій культурный міръ изъ мѣра пустыни, подобно тому, какъ развивались многія европейскія кодоніи. Нечего говорить, что Сибирь и нашъ Востокъ при большихъ средствахъ просвѣщенія могли бы уподобиться если не Индіи, то составить богатѣйшія по источникамъ дохода владѣнія, населенію же на свободныхъ земляхъ могло бы достигнуть замѣчательного благосостоянія. Но при завоеваніи Сибири славянская народность и русское общество не могли выдвинуть просвѣщенія знаніемъ силы, потому что изъ самой Россіи просвѣщеніе только-что зарождалось.

Знаніе и наука совсѣмъ не участвовали въ нашихъ открытияхъ на Востокѣ. Открытие Сибири и знакомство русскихъ съ Азией далеко не походило на открытие Америки, ни по своимъ побужденіямъ, ни по своимъ послѣдствіямъ. Если открытие Америки было плодомъ пытливаго знанія, если оно сопровождалось переворотомъ въ промышленности, дало толчекъ европейскому прогрессу и оканело влияніе на всю міровую цивилизацию, то откры-

тія русскихъ въ Азіи имѣли сравнительно весьма ничтожное значеніе и оказали слабое влияніе даже по отношенію къ Россіи. Чтобы определить, насколько научныя знанія участвовали въ открытияхъ, сдѣланныхъ нами въ Сибири, достаточно вспомнить, что ея завоеватели были простые казаки, неизѣкѣстственные простолюдины, а колонизаторами — «гуляющіе люди», промышленники и болгрые крѣпостные рабы, точно также, какъ достаточно вспомнить о степени умственнаго развитія Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Значеніе открытий на Востокѣ долго не сознавалось самимъ русскимъ обществомъ. Открытия Дежневымъ, Вернигрова про-дива, Атласовымъ — на льдахъ сѣвера, Поярковымъ — въ Охотскомъ морѣ и Хабаровымъ — на Амурѣ, не имѣли европейскаго значенія до тѣхъ поръ, пока они не были изслѣдованы Берингомъ, Врангелемъ и другими. Не пытливый духъ знанія, не интересы міровой науки двигали нашими открытиями въ Сибири; вторженіе въ нее было послѣдствиемъ безотчетной и слѣпой отваги, энергіи, искавшей выхода изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, изъ какихъ жилъ русскій народъ въ XVI столѣтіи. Большинствомъ же дальнѣйшихъ открытий и завоеваній нашихъ въ этомъ краѣ руководилъ духъ нажинки и игона за богатствомъ. Торговые и промышленные люди, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, выселившіеся въ Сибирь, занимавшіеся вдѣсь промыслами и торговлею, были также люди совершилъ пытливѣйшіе; начало сибирскимъ поселеніямъ было положено людьми безъ всякаго образованія, не-грамотными. Даже тѣ изъ нихъ, которые стояли во главѣ обширныхъ предпріятій, какъ Шалауровъ, открывшій Таймырскій берегъ, или Барановъ, глава русско-американской компаніи, были люди полуграмотные и грубые. Что касается крестьянства, то, понятно, оно представляло темную массу и стихійную силу, движущуюся на Востокѣ безъ всякаго сознанія своей роли здѣсь. Культурное развитіе населения въ XVI и XVII стол. соответствовало тогдашнему положенію неизѣкѣстенной Руси. Оно съ собой принесло земледѣльческій промыселъ, и это было все. Словцоицъ прадѣла, давая слѣдующій отрывъ о первыхъ колонистахъ Сибири: «Они не присели мастерствъ, кромѣ навыка срубить домъ и заготовить упряжь, да нахатные способы; женщины ихъ умѣли только соткать толстый холстъ и сермяжное сукно для своего обихода». При своихъ убогихъ средствахъ, переселившееся крестьянство, отдаленное тысячами верстъ отъ остального русскаго населенія, долго находилось въ Сибири оставленнымъ на произволъ и на борьбу съ суровою природою въ лѣсахъ и тундрахъ. Жизнь Сибири до начала пытливаго столѣтія и даже дѣлѣ — была жизнью

страны невѣжественной и варварской въ подномъ смыслѣ слова. Исканіе и разработка сибирскихъ богатствъ совершились сплошь и на-угадъ; рудокопы, открыватели золота и серебра, были людьми безъ всякихъ техническихъ запасій. Эксплуатація зѣбря, меховъ, рыбныхъ промысловъ и минеральныхъ богатствъ была, по выражению одного историка сибирской культуры, исторіей расхищенія естественныхъ запасовъ природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждалъ любознательности въ переселенцахъ; известно, напримѣръ, что изъ которыхъ изъ нихъ чертили самодѣльныя карты, по которымъ составлена чертежная книга Ремезова или карта Шалаурова, одобренная Врангелемъ; некоторые являлись знатоками травъ, въ родѣ Эннешева, составившаго первый травникъ, и т. д., но эта любознательность, этотъ порывъ ума къ знанию замерили, не находили средствъ опереться на науку. Русскія открытия въ Азіи и приобрѣтеніе нового неизвѣстнаго континента не освѣжили русскаго общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизаціи и культуры Сибири, то она также въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ не отмѣчается никакими замѣчательными, въ ней также не участвовало запасіе. Русскій простолюдинъ колонизовать Сибирь на-угадъ, безъ всякаго расчета; онъ занять сперва сѣверъ, вахитиль тундры и оставилъ въ препрежніи югъ, который начать населяться долго спустя. Къ тому же едва-ли не большинство колонистовъ состояло изъ бродягъ и авантюристовъ, которымъ казна должна была впослѣдствіи поднозить хлѣбъ, чтобы они не умерли съ голоду. Масса народа гибла и терялась по лѣсамъ, бросаясь на-обумъ впередъ; русскіе часто оставляли уже занятія земли, какъ, напримѣръ, по Амуру. При невѣжествѣ населенія очень туто развивались торговля и промышленность. Китай долго не привлекъ нашего шин-манія. Торговля съ джунгарскимъ ханствомъ и Бухарою, достигшая значительныхъ размѣровъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, вскорѣ прекратилась въ началѣ нынѣшняго. Владѣнія на Восточномъ океанѣ никакъ не способствовали международной торговли и не создали у насъ торгового флота. Русскіе долго эксплуатировали инородцевъ и кончили ихъ разореніемъ. Переенеся колонизацію въ Сѣверную Америку и дойдя въ своихъ исканіяхъ богатства до Калифорніи, русскіе въ самой Сибири до начала нынѣшняго столѣтія не могли завести торговли съ киргизскою степью. Они не сумѣли воспользоваться ни своимъ географическимъ положениемъ, ни топографическими условіями, ни естественными произведеніями богатаго и обширнаго края. Гражданственность

въ Сибири туто прививалась, населеніе расло медленно: только съ половиною прошлаго столѣтія оно начало выходить изъ лѣсопть. На всемъ пространствѣ Сибири были раскинуты только бѣдные остроги; какъ населеніе было ничтожно, можно судить по тому, что къ началу нынѣшняго столѣтія оно составляло миллионъ съ небольшимъ, а на всемъ камчатскомъ полуостровѣ считалось только двѣ тысячи мужскаго населенія. Русскіе переселенцы не оказали никакого вліянія на инородцевъ въ культурномъ смыслѣ. Самой Россіи Сибирь приносila менѣе пользы, чѣмъ можно было разечитывать. По мѣрѣ приобрѣтеній на Востокѣ, на Сибирь возлагались иллюкія надежды, но послѣ первыхъ увлечений авантюризма, вслѣдъ за обольщѣніями и ожиданіями выгодъ, явилось полное разочарованіе, бывшее результатомъ нашей культурной несостоятельности, и Сибирь сдѣлалась надолго забытымъ и заходустинымъ краемъ, судьба которого вызвала слѣдующую характеристику мѣстнаго историка Слонцова: «Сибирь, какъ страна, заключала въ себѣ золотое дно, но какъ часть государства, представляла ичтоjnую и безгласную область».

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столѣтія. Проводниками просвѣщенія здѣсь въ XVI и XVII столѣтіяхъ могли бы явиться служилые люди и духовенство, но, къ сожалѣнію, воеводы и служилые люди рѣдко чѣмъ отличались отъ массы остального населения; въ Сибирь ихъ привлекла та же наружка. Что касается духовенства, то даже въ прошломъ столѣтіи въ Сибири еще встречается масса священниковъ безграмотныхъ. Въ XVIII столѣтіи старыхъ служилыхъ людей смѣнили приказные люди и старые подьячіе, которые также не могли быть представителями образованности. Уронъ понятій и знаній въ тогдашнемъ сибирскомъ обществѣ характеризуется слѣдующими примѣрами: когда Петръ Великій предписалъ сибирскому начальству собирать для музеевъ всевозможные «rarитеты» изъ области сибирской природы, доставлять замѣчательные экземпляры мѣстной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены въ величайшее недоумѣніе, не понимая, чего отъ нихъ требуютъ. При Екатеринѣ II хотѣли предпринять топографическую съемку, но въ Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающихъ людей; мѣстное начальство не могло доставлять самыхъ элементарныхъ географическихъ свѣдѣній. Первое духовное лицо въ Тобольскѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству абаата Шаппа, не хотѣло вѣрить, что земля обращается вокругъ солнца.

Жизнь сибирскихъ городскихъ обществъ въ началѣ XIX ст. обрисована въ послѣднее время мѣстными изслѣдователями Ваги-

нымъ и Цаповымъ по мемуарамъ и запискамъ старожиловъ. По сказанию современниковъ Трескина, въ обществѣ иркутскомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. «была дичь совершиеннѣйшая, образованія не было почти никакого». И это свидѣтельство, дѣйствительно, подтверждается фактами. Кромѣ существовавшихъ нѣкогда навигацкихъ школъ, въ Иркутскѣ до начала XIX столѣтія не было никакихъ училищъ. Только при содѣйствіи Трескина, въ 1816—1817 гг. открыто было по Иркутской губерніи до 18 кое-какихъ приходскихъ училищъ; но до Сибирскаго, да и послѣ существованіе ихъ было самое жалкое и шаткое. Крестьяне даже желали вовсе избавиться отъ училищъ, «какъ отъ нѣкоторой обременительной повинности».

Не менѣе равнодушно относилось къ образованію и городское общество. Еще въ 1821 году иркутскій губернаторъ Цейдлеръ писалъ: «Чиновники вѣдьшіе стараются только обучать дѣтей своихъ грамотѣ и счищать записывать въ канцелярскую службу для достижения скорѣйшаго офицерскаго чина, и потому обучаются они плохо и поступаютъ безъ свѣдѣній и малознѣніи на службу и потому идти надежды, чтобы кто сыну своему предзначить трудный путь науки, и потому скоро развращаются и дѣлаются неспособными къ прилежанію и занятію трудною наукой; кунечество, имѣя въ виду только пріобрѣтеніе богатства, ведетъ дѣтей своихъ особою дорогою, пріучая ходить съ обозами, закупать въ Якутскѣ бѣлку, лисицу, соболей, отвозить ихъ въ Ирбітъ, и оно довольно, ежеси 14-ти-лѣтній мальчикъ преодолѣваетъ трудности дальней дороги». Въ Сибири есть цѣлымъ водости, неуѣюющія ни читать, ни писать, и только немногіе имѣютъ понятіе о томъ, что дѣлается за ихъ оконцами.

Итакъ, XVI и XVII вѣкъ былъ для Сибири временемъ полнаго невѣжества и безпросвѣтной темноты. Нѣкоторая грамотность и элементарныя познанія были распространены только среди служилаго сословія. Только въ XVIII вѣкѣ запіе и образованіе начинаютъ ирлагать дорогу на Востокъ. Сибирь посѣщаются учёные иностраницы, какъ Мессершмитъ, Шадлась, Фалькъ, Миллеръ, осматривавшій архивы, Гмелинъ и друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются попытки собрания болѣе свѣдѣній о Сибири, а также основываются кое-гдѣ специальная школы, а затѣмъ создаются дѣль семинаріи. Военное сословіе, получившее нѣкоторое образованіе съ Петра I, и бюрократическое чиновничество съ своими скучными слѣдѣніями считались единственнымъ просвещеннымъ классомъ, по общий уровень массы населенія былъ весьма низокъ. Историкъ и писатель С. С. Шашковъ, разбирая сибирскіе архи-

вы и занимавшись исторіей, посвятилъ одинъ очеркъ нравамъ Сибири въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Въ немъ онъ обрисовывалъ ту темпootу и невѣжество, какія царили въ сибирскомъ обществѣ. Масса суевѣрій, предразсудковъ господствовала здѣсь, и ниродческое міросозерцаніе и повѣрья привыкались къ русскихъ людимъ. Заговоры, «колдовство», «порчи», «привороживание» составляли предметъ цѣлыхъ уголовныхъ дѣлъ, какъ видно изъ архивного матеріала XVIII столѣтія. Демоническое и миологическое суевѣріе господствовало въ жизни и выражалось въ колдовствѣ, въ вѣрѣ «кикиморъ», «сусѣдокъ», привидѣній. Цѣлые дома иногда оставались пустыми, потому что, по мнѣнію жителей, въ нихъ жила привидѣнія. Въ лѣсахъ населеніе находилось подъ страхомъ «львінъ» и «льсониковъ», оно бояло, что у зѣбре есть «хозяинъ», который перегоняетъ стада оленей, мораловъ (этимъ объяснялось переселеніе животныхъ), въ горахъ, въ рудникахъ возникалъ «горный духъ» рудокопамъ въ шахтахъ, въ видѣ генерала и иныхъ видахъ. Животныя и зѣри антропоморфизировались русскимъ населеніемъ, имъ присваивались человѣческія свойства, какъ, напр., медведю, то же самое переносилось на стихіи, на вѣтеръ напр. ¹⁾. Нельзя было не видѣть въ этомъ отступлѣніи отъ прежніяго міросозерцанія опять въ область миологическую. Къ этому присоединялось вліяніе на русскаго человека и ниродческихъ взглядовъ и вѣрованій. Шамашы и ихъ ворожба производили впечатлѣніе на русскихъ казаковъ и промышленниковъ, и они уводили вѣру въ могущество шамановъ и ихъ чудесную силу, обращались къ нимъ въ трудныхъ случаяхъ. Впослѣдствіи русские также легко успокаили вѣру въ замѣ монгольскихъ и вѣрили въ ихъ медицину, какъ, прежде въ шамановъ. Одинъ очевидецъ жилъ въ Охотскѣ и, 20-хъ годахъ піиѣншаго столѣтія передавалъ, что онъ засталъ то время, когда русскіе, женясь на и ниродкахъ, усвѣнивали ихъ предразсудки, вѣру въ покойниковъ, бродившихъ послѣ смерти, и т. д. Все это было стѣственіе при отсутствіи всякаго просвѣщенія. Это было отступлѣніе отъ культуры русскаго человѣка. Предразсудки коренились въ Сибири до XIX столѣтія. Втѣдневникѣ домашнаго секретаря Трескина, Тюменцева, въ 1819 г. рассказывается о разыскѣ чудесахъ въ Прокутскѣ, напр., какъ «мыший давилъ человѣка», какъ въ наїстническомъ домѣ показывались привидѣнія (Двеиникъ въ «Воспоминаніяхъ о Сибирскомъ» Вагина). До сихъ поръ въ городахъ сибирскихъ осталось еще

¹⁾ Подобные привѣты приведены въ «Письмахъ о Сибири» Семилужинскаго (Ярлицева), Журналъ «Дѣло». 1867 г.

много наклонностей видѣть проявленіе духовъ и таинственныхъ силъ.

Отсутствие яланій заставляло людей блуждать во тьмѣ и въ новой странѣ чувствовать или безсиліе, или бороться съ природой не тѣми средствами, какія доступны цивилизованному человѣку. Въ лѣсахъ пускался огонь для урожаевъ травы «палы». Звѣрь истреблялся безъ всякой предусмотрительности. Отсутствіемъ развитія и образованія объяснялись грубость нравовъ, жестокость по отношенію къ другимъ племенамъ, истребленіе ипородца и неумѣніе привить къ нему культурный начало¹⁾. Все это не могло не отразиться на характерѣ и умственномъ складѣ населения и въ послѣдующія эпохи.

Кое-какія школы начинаютъ зарождаться въ Сибири только въ половинѣ прошлаго столѣтія. Вѣроятно, поводами для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношенію къ Сибири. Въ числѣ первыхъ школъ въ Сибири учреждены школы специальныя: «навигацкія» въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ и «геодезическая» въ Тобольскѣ и Томскѣ. Навигацкая школа въ Иркутскѣ была основана въ 1754 году. Въ 1781 году вѣдѣсь открыта городская школа, въ 1789 г. она преобразована въ главное народное училище. Ученица эти открывались и въ другихъ городахъ, но, говоря вообще, дѣло шло медленно и туго. Нѣкоторыя изъ школъ, открытыхъ въ прежнее время, до прѣѣзда Сперанского, были или закрыты, или преобразованы; такъ, напримѣръ, закрылся классъ монгольскаго языка въ Иркутскѣ, приготовлявшися переводчикомъ. Къ памятникамъ просвѣщенія прошлаго столѣтія относятся, кроме того, горныя училища въ Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Эти специальные училища, при своемъ формальномъ существованіи и ничтожномъ влияніи, имѣли чрезвычайно слабое значеніе въ дѣлѣ развитія Сибири: въ нихъ получали образованіе очень немногіе тунеци, напримѣръ, талантливый Лосевъ, вышедши изъ навигацкой школы и выдвинувшійся при Сперанскомъ своими дарованиями. Самыми крупными учебными заведеніями въ Сибири были въ то время двѣ семинаріи, въ Тобольскѣ и Иркутскѣ, но существованіе ихъ точно также не означалось ничѣмъ замѣтнымъ въ дѣлѣ общественнаго просвѣщенія, кроме разнѣ того, что при тобольской семинаріи

1) Послѣ завоеванія началось истребленіе ипородца. На него смотрѣли, какъ на собаку, какъ на животное. Сохраненіе такого воспѣванія и нынѣ подтверждается свидѣтельствомъ, что на Амурѣ «крестьяне и казаки мыслятъ, что у монаховъ и корѣйца не душа, а пар, и что убить его не грѣхъ». Рѣчь д-ра Прохорова. Прѣдисловіе 800-лѣтія Сибири. С.-Петербургъ 1882 г., стр. 3.

рѣ сохранились пѣкторыя сибирскія «тописи о покореніи Сибири». Воспитаніе въ этихъ семинаріяхъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось сходистичностью; они были разсадникомъ семинарской педагогичности; на своихъ экзаменахъ и актахъ они вытуждали цѣлую массу хриз, одѣ и напыщенныхъ сочинений. Наука ихъ ничѣмъ не была связана съ сибирскою жизнью. Въ 1791 году въ Тобольскѣ издавался даже при главномъ народномъ училищѣ, подъ редакціей Сумарокова, литературный журналъ «Иртышъ», превратившійся въ «Инокрену»; изданіе это наполнялось псевдо-классическими подражавіями и риторическими стилемъ, за что получилъ достойный приговоръ отъ образованнаго человѣка того времени, Словцова, сказавшаго въ своей исторіи, что «вместо того, чтобы заняться сообщеніемъ интересныхъ сѣдѣній о Сибири, издатели пустились обезылицивать славности и поэзіи пошлой». Строяленію къ образованію въ сибирскомъ обществѣ въ это время было еще очень слабо; иркутскіе чиновники, по словамъ Цейдлера, старались только выучить дѣтей своихъ грамотѣ и отдать ихъ поскорѣ на службу; купцы пручали дѣтей съ раннихъ лѣтъ ходить съ обовами и торговать въ Иркутскѣ и Ирбите, тѣ образованія же ихъ не нуждались. Въ концѣ нынѣшняго столѣтія, передъ прѣѣздомъ Сперанскаго, были основаны дѣй гимназіи: тобольская и иркутская въ 1806 году. Въ тобольской до 1823 года число учениковъ не превышало 27; увеличенію числа ихъ препятствовала тѣснота училищныхъ поющій. Въ иркутской гимназіи, при основаніи, было 35 учениковъ, а въ 1825 году — 47. Около этого же времени открыты уѣздныя въ приходскія училища въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. Въ Томскѣ продолжало существовать простое народное училище. Кроме того въ 1821 году учреждено было въ Тобольскѣ училище для дѣтей почтовыхъ служителей, на 40 воспитанниковъ, которые должны были, окончивъ курсъ, поступать въ почтовое вѣдомство. Въ Омскѣ учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведеніе, собственно для дѣтей казачьяго сословія, съ среднимъ гимнавицкимъ курсомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири открыты военно-сиротскія отдѣленія, преобразованныя впослѣдствіи въ батальоны военныхъ казакониствъ; по словамъ Вагина, изъ этихъ батальоновъ вышло не мало здѣй способныхъ—конечно, для тогдашней Сибири.

Нельзя умолчать также о попыткахъ устройства народныхъ училищъ. Въ 1816 году, по властію Словцова, бывшаго директоромъ иркутской гимназіи, основано было въ Иркутской губерніи до 15 народныхъ школъ. Но устройство училищъ показалось

вано было 5.003 р.; кроме того инородческія крестьянскія общества обязались содержать училища на свой счетъ. Училища эти, однакожъ, не нашли сочувствія и поддержки въ администраціи Трескина и Пестеля. Открывъ школы, Трескинъ отказался оту-
сакъ содержаніе учителямъ изъ общественныхъ суммъ; общества также перестали заботиться о содержаніи училищъ и, видя рав-
нодушіе къ нимъ начальства, пожелали уничтожить ихъ; вопросъ
объ этомъ возбуждался иѣсколько разъ. Нельзя безъ удивленія
видѣть, замѣчать по этому поводу губернаторъ Зеркалевъ, что
губернское начальство, содѣствую открытию училищъ, въ то же
время возбуждало вопросъ объ ихъ уничтоженії.

Въ такомъ положеніи находились образовательныя средства Сибири къ прѣѣзу Сперанскаго.

Сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ Сибири, Сперанскій обратилъ вниманіе на устройство учебной части въ этомъ краѣ: дѣя-
тельнымъ помощникомъ ему явился Словцовъ, образованный си-
бирякъ, преданный душой и тѣломъ Сибири. Какъ образованный
человѣкъ, Сперанскій не могъ не поразиться невѣжествомъ си-
бирскаго населенія, точно такъ же, какъ почти непронутымъ еще
богатствомъ края, его обширностью и значеніемъ для Азіи; эко-
номическое развитіе русскихъ владѣній на Востокѣ стало зани-
мать его не менѣе, чѣмъ гражданское и политическое. 250 лѣтъ мы
пладѣли Сибирью, и изъ этого ровно ничего не выходило. Сперан-
скій пытался установить на Сибирь опредѣленную политическую
точку зрѣнія. «Я прѣѣхъ многое вспоминаю писалъ онъ,—
но, можетъ быть, того важнѣе — открылъ Сибирь въ истинныхъ
политическихъ отношеніяхъ. Край втотъ заслуживаетъ госу-
дарственного вниманія вполнѣ». Сперанскій пашель края въ
крайне-безпомощномъ положеніи. Сибирь страдала отъ массы страш-
ныхъ злоупотребленій; въ ней не было людей, кому бы можно было
довѣрить управление, что сильно мѣшило реформамъ Сперанскаго.
Невѣжество сибирскаго общества было поразительное. «Два года
не видѣть вокругъ себя ни одного образованнаго человѣка, не
слышать ни одного умнаго слова — это ужасно!» писалъ Спе-
ранскій. За столомъ у себя онъ часто принималъ людей, вернув-
шихся изъ Камчатки, съ Алеутскихъ острововъ, съ Ледовитаго
моря, изъ Китая, прошедшихъ Яблоновый хребетъ. «Сибирь —
истинная страна Донъ-Кихотовъ», замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ
своихъ писемъ. Опъ видѣлъ въ то же время, что необыкновенная
энергія и предпріимчивость пропадали безплодно и самая кипучая
дѣятельность, безъ запаія дѣла, при темнотѣ отважныхъ пред-
принимателей, не приносila никакого результата. Страна пред-

ставляла богатый научный материалъ, но имъ никто не пользовался. Генералъ-губернаторъ, занимаясь отправкой экспедицій то
лько полюсамъ, то въ степи, приужденъ былъ самъ показывать
 обращеніе съ комиасомъ и учить, какъ слѣдуетъ дрессировать
верблюдовъ для путешестнія. Опъ же первый ботанизовалъ
около Иркутска. Понятно, до какой степени онъ долженъ быть
поражаться отсутствіемъ даже самыхъ элементарныхъ научныхъ
зананій въ Сибири.

Одною изъ первыхъ попытокъ его было учрежденіе въ Иркут-
скѣ ланкастерской школы, за устройство которой опъ принялъ
съ лихорадочной дѣятельностью, едва спустя мѣсяцъ по прѣѣздѣ
въ Иркутскъ. «Къ счастію, со мною была книжка о есей методѣ.
и все *аскитто*», пишетъ онъ 23-го сентября 1819 года. Опъ воз-
обновляя устройство народныхъ училищъ, погибавшихъ при
Трескинѣ, и поручаетъ ихъ попеченію Словцова и Зеркаleva.
Снесяясь съ министромъ, опъ обеспечиваетъ жалованье народнымъ
учителямъ, предлагаетъ крестильскимъ обществамъ открытие школъ,
даетъ толчокъ основанію инородческихъ училищъ. Онъ оказываетъ
свое покровительство всѣмъ, кто береть на себя заботу объ
открытіи учебныхъ заведеній. Опъ поднимаетъ упавшую навигац-
кую школу въ Охотскѣ, заботу о ней принимаютъ на себя князь
Шаховскій и Ушаковъ, по приглашенію которыхъ въ нее начи-
наютъ поступать дѣти казаковъ, мѣщанъ и якутовъ. Содержаніе
этой школы было обезпечено Сперанскимъ. Въ то же время въ
Гиркиѣ основывается школа на пожертвованіе кунца Баранова.
Во время пребыванія Сперанскаго въ Кяхтѣ тамошній бургомістръ,
Игумновъ, изъявилъ желаніе основать училище и поддер-
живать на свой счетъ ремесленное воспитаніе для мѣщанъ. Слов-
цовъ развиваетъ мысль соединить ученье въ сибирскихъ сель-
скихъ училищахъ съ ремеслами, какъ было когда-то предполо-
жено для Камчатки. Въ изданныхъ Сперанскимъ сибирскихъ
учрежденіяхъ и уставахъ постановлено было заводить школы не
только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полуудикой кир-
гизской степи, только что присоединенной къ Сибири.

Какъ ни были велики усилия Сперанскаго, но это только оди-
нокія попытки и мечтанія; ни вліяніе, ни дѣятельность его не оста-
вили въ жизни Сибири никакихъ слѣдовъ по многимъ обстоятель-
ствамъ. Въ книжкѣ г. Вагина о Сперанскомъ приведены многіе от-
зывы современниковъ и одинъ изъ нихъ говоритъ: «правлениe Спе-
ранскаго въ Сибири ничтъ не замѣчательно; была только запу-
тиность и нерабоччивость, цѣлые возы просѣбъ увезены, а иѣ-
которые даже не прочитаны» (Извѣст. Сиб. отдѣла, т. V, 1874 г.,

стр. 41). Сибирики также не поняли Сперанского. Они, какъ видно изъ отзываовъ современниковъ, отдавали и отдаютъ до сихъ поръ предпочтеніе Трескину, который имѣть на послугахъ Лоскутова, сибирьиствовавшаго при пестелевскомъ управлениі Сибирью, распространилъ взяточничество, жена которого продавала мѣста за судателямъ, который наполнялъ Иркутскъ ужасами, по настроилъ въ Иркутскѣ «ретирады» и пробовалъ пріучить бурятъ къ землемѣлю. Такъ туно относилось большинство сибирского населения къ реформѣ Сперанского, замѣчаетъ историкъ. «А послѣ него все пошли по старому», сказаъ одинъ изъ современниковъ, передаю г. Вагину свой разсказъ о Сперанскомъ. Конечно, Сперанский, въ роли организатора, ничего не могъ сдѣлать тамъ, гдѣ нужно было прежде расчистить черноземную почву и потомъ уже сѣять. Онь бесполезъ былъ создать и гражданскіе идеалы для этого общества и поднять его умъ. Для этого нужны были громадныя образовательныя средства. Съ отъѣздомъ его всѣ лучшія его начинанія рухнули и грязная волна, случайно исколыхнутая, опять пришла въ свое прежнее стоящее положеніе. Если, по словамъ Сперанского, и въ Россіи, и въ Петербургѣ остались наименіями всѣго желанія и предположенія «сдвинуть грубую толщу, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно», то тѣмъ болѣе трудно было ему расшевелить азіатскую косность сибирского общества, и другъ смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь. (Извѣст. Сибир. отдѣла, № 1, т. 5, 1874 г., стр. 42).

Съ отъѣздомъ Сперанского сибирская училища, основанные при немъ, начали быстро падать: сельскія училища Иркутской губерніи были большей частью закрыты, такъ какъ теперь они не находили уже энергичной поддержки въ мѣстномъ начальствѣ. Скромный сибирикъ Словцовъ, единственныи способный сотрудникъ Сперанского въ учебномъ дѣлѣ, перестаетъ пользоваться влияніемъ, оставляетъ практическую дѣятельность, поселяется въ Тобольскѣ и погружается въ скромныя архивныя и историческія изысканія о Сибири. Учебное дѣло начинаетъ опять двигаться чрезвычайно медленно на Востокѣ и получаетъ безизящный, казенный характеръ. 8-го декабря 1828 года сибирскія учебныя заведенія переданы въ вѣдѣніе губернаторовъ. Тогда же повсѣю было каждой сибирской губерніи имѣть по одной гимназіи. Какъ туно и медленно приводилось въ исполненіе это повелѣніе, можно судить по тому, что кромѣ двухъ гимназій, открытыхъ въ началѣ пытнинаго столѣтія, только въ концѣ тридцатыхъ годовъ открыта третья гимназія — въ Томскѣ, а предписанная по указу

1828 года красноярская гимназія открылась только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ проектированія — въ 1869 году!

Число уѣзденыхъ училищъ долго оставалось то же самое, какое было при Сперанскомъ. По указу 1828 г., было назначено ихъ въ Иркутской губерніи 7, въ Томской 3, въ Тобольской 8 и въ Енисейской 2; прибавлялись они туно и преподаваніе въ нихъ находилось еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ училищахъ. Изъ осталыхъ учебныхъ заведеній Сибирь имѣла только иѣсколько узко-спеціальныхъ, и притомъ для извѣстныхъ сословій: омское казачье училище, теперь военная гимназія; до послѣдняго времени, какъ и при Сперанскомъ, оно считается первымъ по средствамъ и объему преподаванія учебнымъ заведеніемъ края; горное училище и духовная семинарія, которыхъ, кроме двухъ иркутской, тобольской и иркутской, открыто въ послѣднее время двѣ — въ Томскѣ и Якутскѣ. О женскомъ образованіи до шестидесятыхъ годовъ въ Сибири почти не было и рѣчи; въ 1838 году было учреждено первое женское учебное заведеніе въ Иркутскѣ — сиротинательный домъ. По плану Цейдлера, онъ долженъ быть положить основаніе женскому образованію въ краѣ, но заведеніе это иркутскимъ обществомъ, подъ вліяніемъ попечительства купеческаго сословія, было обращено просто въ заведеніе для приготовленія прислуги. Въ 1845 году открыты Иркутскѣ же дѣвичій институтъ. Иркутскій институтъ основанъ на началахъ, привитыхъ въ дворянскихъ институтахъ внутреннихъ губерній, и съ самого начала стремился къ аристократической исключительности, хотя въ Сибири не было ни рѣзкаго раздѣленія сословій, ни коренного дворянства, въ силу чего некому было туда поступать, кроме развѣдѣй пріѣзжихъ чиновниковъ да немногихъ почетныхъ гражданъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, при общемъ пробужденіи сознанія необходимости женскаго образования, открыто было иѣсколько женскихъ училищъ и гимназій въ Омскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ. Сибирское образование не шло выше среднихъ учебныхъ заведеній.

Какую пользу приносили Сибири ионменованія учебныхъ заведеній въ эти 50 лѣтъ, можно отчасти судить по числу учащихся въ гимназіяхъ. Изъ недавно опубликованныхъ отчетовъ о числѣ учениковъ въ разные годы видно, что въ первые годы послѣ открытия гимназій въ Сибири число учащихся въ тобольской и иркутской гимназіяхъ не превосходило 27—35 человѣкъ. Въ 1838 году число учениковъ едва доходитъ до 117 — въ первой и 150 — во второй. Затѣмъ, съ конца тридцатыхъ годовъ начинаяется такой же медленный ростъ томской гимназіи: только въ

1853 году въ ней число учениковъ доходитъ до 95, а въ 1861 году достигаетъ 160. Въ 1873 году въ четырехъ сибирскихъ гимназияхъ находилось слѣдующее число учащихся: въ тобольской 179, въ томской 298, въ иркутской 238 и въ красноярской 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастаніе числа учащихся, далеко не пропорціональное росту населенія, не говоритьъ въ пользу развитія учебного дѣла въ краѣ. Вирочемъ, этотъ медленный ростъ объясняется отчасти и тѣмъ, что сибирскія гимназіи далеко не удовлетворяли ни мѣстнымъ потребностямъ, ни мѣстному складу жизни. Складъ сибирского общества яѣсколько иной, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ. Элементовъ, которые могли бы доставить наибольшее число учащихся для гимназій, сравнительно было очень мало. Потомственныхъ дворянъ и помѣщиковъ въ Сибири новое не было; гимназіи существовали преимущественно для дѣтей чиновниковъ, такъ какъ гимназическое воспитаніе мало удовлетворяло другія сословія. Въ одномъ изъ отчетовъ мы читаемъ, что изъ 688 гимназистовъ въ сибирскихъ гимназіяхъ приходилось 431 дѣтей дворянъ и чиновниковъ, 236—городскихъ сословій, т.-е. купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ, и 21—сельского сословія, которому гимназическое воспитаніе было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была почти исключительно промышленной; въ ней господствовали материальные интересы; стремление къ наживѣ изстари было преобладающимъ. Общество, неизвѣстное, ничѣмъ неубѣждшое въ пользахъ зианія, не видѣло никакихъ наглядныхъ примѣровъ прымѣнности гимназического образования въ практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не расположено было отдавать дѣтей своихъ въ гимназіи, а училъ ихъ въ лавкахъ. Извѣстенъ отзывъ губернатора Цейдера, жалующагося на отсталость купцовъ. Однѣ изъ путешесненикъ по Сибири, въ тридцатыхъ годахъ, приводятъ слѣдующія слова одного изъ даровитыхъ представителей иркутскаго общества: «Мальчики наши, говорить онъ, научившись читать и писать и познакомившись съ первой частью арифметики, принимаются за ариѳмѣтику и счеты; потомъ, сѣздинувъ раза по два въ Якутскъ и въ Москву и, такъ сказать, оперившись торговыми опытами, замысливаютъ жениться и сами производятъ дѣтей». Другой старожилъ, жалуясь на ограниченность воспитанія, говорить, что самымъ моднымъ воспитаніемъ считается у почетныхъ и зажиточныхъ гражданъ отдавать дѣтей выучиться только грамотѣ, а потомъ пристроить ихъ къ коммерціи, т.-е. дѣлать падзирателями за приказчиками (Путешествіе Александрова 1828 года).

Хотя формальное образованіе очень мало затрагивало сибир-

ское общество, но послѣднее тѣмъ не менѣе отличалось перенимчивостью, способностью къ усвоенію вѣнчаности, иѣкотораго доска и даже извѣстной степени развитія, болѣе высшаго по сравненію съ соотвѣтственными слоями населения въ русскихъ губерніяхъ. Это подмѣчено многими изслѣдователями, сравнившими сибирское населеніе съ великорусскимъ. Точно также въ сибирскомъ обществѣ встрѣчались самородки, люди замѣчательно даровитые, пробивавшие себѣ дорогу къ образованію изъ самыхъ темныхъ слоевъ, изъ школьн., новидимому, самыхъ неблагопріятныхъ для развитія и узкихъ по назначению. Все это обусловливалось особыми свойствами сибирской жизни. Сибирское населеніе было свободнымъ триста лѣтъ раньше, чѣмъ остальная Россія, недавно покончившая съ крѣпостнымъ правомъ. Просторъ и богатство нраваго края, предпріимчивость, кипучая промышленная дѣятельность,—все это способствовало развитію умственныхъ способностей населения. Благодари материальному достатку, оно познакомилось съ вѣнчаномъ комфортомъ, а съ нимъ приобрѣло и новыя привычки жизни. Великорусскій умъ, несвязанный въ Сибири ни традиціями, ни преданіями, избавленный отъ заскорузлого старовѣрства, способнѣ быть къ восприятію нововведеній. Населеніе въ Сибирь стекалось со всѣхъ сторонъ, какъ въ страну поисковъ за богатствомъ; передвиженіе здѣсь было довольно значительное, а сношенія поддерживались отъ Иркутска до Москвы по транзитному пути амурской торговли. Въ Сибири жила масса людей бывалыхъ, обмыть свѣдѣній поэтому были болѣе значительны. Границы между сибирскими сословіями было менѣе; жизни съ народомъ шла тѣснѣ; сибирское населеніе составляеть какъ бы одну народную массу, а поэтому всѣ заимствованія, всякая свѣдѣнія, всякая мода доходятъ въ немъ быстро во всѣ слои населения. Привычки сибирского населенія, какъ замѣчено изслѣдователями, ближе подходятъ къ привычкамъ цивилизованаго общества, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Интересы науки, случайно заискивавшіе въ сибирское общество, иногда затрагивали людей, новидимому, неимѣющихъ ничего общаго съ образованіемъ и привилегированіемъ средою, но это были большую частію самоучки или люди всѣго менѣе обязанные сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ. Многіе сибирские старожилы, какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія, отличались замѣчательными дарованіями, любознательностью и довольно высокимъ развитіемъ¹⁾. Иркутскій хроникеръ,

¹⁾ Въ путешествіи Фалька по Сибири упоминается о имѣцахъ Черепановыхъ въ Тобольскѣ: однѣ изъ нихъ составилъ въ 1760 г. историческую хронику

Александровъ, указываетъ на нѣкоторыхъ иркутскихъ купцои, обязанныхъ самимъ себѣ извѣстною степенью образованія, людей замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такихъ людей можно найти и въ мѣщанской средѣ, въ которой они оставались до смерти; напримѣръ, небогатый торговецъ Андрей Пичугинъ, въ Томскѣ. Долгунинъ, служившій приказчикомъ на пріискахъ и конторщикомъ по откупамъ, люди, поражавшіе дарованиемъ, смѣлостью ума, знаніями, особенно послѣдней, въ области исторической. Чушины и Бабурины въ Сибири были не рѣдкость. Изъ сибирскихъ убогихъ школъ, изъ навигацкихъ классовъ, изъ кантонистскихъ полубаталіоновъ выливались личности, которая вносили въ образованіе людьми. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Тобольскѣ умеръ весьма замѣчательный по образованію человѣкъ Ядринцевъ, крецены изъ киргизъ, цѣлую жизнь слѣдиній за наукой, оставилъ замѣчательную библіотеку, хотя вышелъ изъ полубаталіона кантонистовъ и принадлежалъ къ выкращеннымъ въ дѣтствѣ киргизятамъ, когда-то покупаемымъ въ нашей степи на положеніи рабовъ. Достаточно прослѣдить имена ученыхъ и литераторовъ, выходившихъ изъ сибириковъ, чтобы получить понятіе, откуда они вышли и какъ шло ихъ воспитаніе. Здѣсь мы видимъ дѣтей купцовъ, причетниковъ, мѣщанъ и казаковъ, одинъ изъ ученыхъ историковъ, Щаповъ, составившій себѣ имя въ литературѣ, сынъ дьячка и матери тунгуски; одинъ изъ выдающіхся естественникои, И. С. Поляковъ, сынъ простого казака. Мы не считаемъ извѣстныхъ личностей, вышедшихъ изъ средняго сословія. Нѣкоторые изъ сибирскихъ самородковъ совсѣмъ не были въ учебныхъ заведеніяхъ, изъ литераторовъ многіе не оканчивали курсъ мѣстныхъ гимназій, — словомъ, здѣсь мы несмо менѣе видимъ истинной учености. Вообще учебныя заведенія въ Сибири играли второстепенную роль по своему вліянію. Жизнь и развитіе общества или независимо отъ вліяній учебныхъ учрежденій, которыхъ стояли въ сибирской жизни какъ-то въ сторонѣ, и это будетъ сопротивленіе понятно, если мы примемъ во вниманіе качество и ученое достоинство прежнихъ сибирскихъ гимназій. Эти гимназіи основывались при самыхъ убогихъ средствахъ; долго онѣ не находили учителей, недостатокъ въ которыхъ чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайного подбора, почему-нибудь претендовавшими въ Сибири на педагогическую компетентность. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ эти гимназіи имѣли ученику, известную подъ именемъ Черепановской лѣтописи, другой былъ живописецъ.

телей изъ отставныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ семинаристовъ, изъ частныхъ приставовъ; въ томской и тобольской гимназіяхъ, по восполненіямъ вышедшихъ учениковъ, между учителями были полуумышленные, слѣпые, хромые, страдающіе запоемъ; понятно, что при такихъ педагогахъ сибирская гимназія не могла пользоваться никакимъ вліяніемъ.

При недостаткѣ учебныхъ заведеній въ Сибири воспитаніе и образованіе къ сибирскимъ жителямъ зато проникало иногда случайными путями и ихъ невозможно не отметить. Въ прошломъ столѣтіи съ Петра не осталось безъ вліянія въ Сибири пребываніе плѣнныхъ шведовъ. Они начали заводить частныя школы, некоторые собирали свѣдѣнія о странахъ малоизвѣстныхъ, и на шведскомъ языке появилась ученая литература о Сибири (Штраленбергъ и другіе). Шведы оставили различные культурные памятники въ сибирскихъ городахъ, напр., въ Тобольскѣ прекрасныя архитектурныя постройки. Изъ Украины и изъ другихъ мѣстъ при Петрѣ и Екатеринѣ въ Сибирь попадали люди несомнѣнно просвѣщенные. Поляки также ссыпались въ Сибирь. Послѣ восстанія 1830 г. ихъ было много въ Сибири, и нѣкоторые съ замѣчательнымъ образованіемъ; они давали уроки въ сибирскихъ городахъ, учили языкамъ, музыкѣ. Съ 1863 г. послѣ повстанія появилось въ Сибири опять множество поляковъ и опять многіе съ высшимъ образованіемъ. Среди этихъ лицъ было много медиковъ, которые, за пемѣніемъ надлежащей медицинской помощи, оказывали помощь на окраинахъ; многіе были учителями, даже въ ученыхъ обществахъ въ Сибири мы встрѣчаемъ имени Чекановскаго, Дыбовскаго, Черскаго, которымъ Сибирь обязана многими изслѣдованіями. Затѣмъ, мы не можемъ не указать, что и въ числѣ русскихъ людей ссылка привнесла періодами людей съ замѣчательнымъ образованіемъ. Такъ, извѣстно, что декабристы послѣ каторги были разосланы въ различные города Сибири, — Семипалатинскъ, Минусинскъ, Иркутскъ, Тобольскъ, Курганъ, Ялуторовскъ, Тара и другіе города. Такъ или иначе, они оказали свое вліяніе на общество. Высокое умственное развитіе ихъ, гуманізмъ, любовь къ ближнему отразились во многихъ мѣстахъ самымъ благотворнымъ образомъ. Декабристы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали даже завести маленькая школы¹⁾, напр., въ Ялуторовскѣ. Точно также, внося послѣдствіи, участниками въ разнѣмъ мѣстномъ общества являлись и нѣкоторые Петрашевцы (по дѣлу Петрашевскаго). Они,

¹⁾ См. «Сибирь и каторга» Максимова, т. IV. «Страна изгнанія и исчезнувшіе люди» Турбина, 2-я половина.

подобно Достоевскому, находились въ разныхъ городахъ Сибири, оставили воспоминанія и вносятъ въ произведения свою ссылку въ литературныхъ произведеніяхъ, какъ Достоевскій и Львонъ. Кромѣ этихъ лицъ, среди ссылки появились люди, хотя и скрывавшіе происхожденіе свое, но люди, какъ видно, высокаго интеллигентнаго развитія и замѣчательнаго заслуга. Эти «желѣзныя маски» спасались въ захолустьяхъ, но, соприкасаясь съ средою мѣстныхъ жителей, оставляли следы. Мы не говоримъ уже о раскольникахъ, которые искали прозелитовъ въ сибирской средѣ. Окружающее населеніе иногда прислушивалось къ «исповѣди» ссылочныхъ, къ ихъ разсказамъ и такъ или иначе, въ немъ затрагивались различныя мысли и чувства, кое-что перенималось. Поэтому изъ ссылкой среды заимствовалось не однѣ дурио, но косвенно она содѣйствовала некоторому развитію и удовлетворенію мѣстной любознательности.

Недостатокъ среднихъ и вообще учебныхъ заведеній въ Сибири выступаетъ особенно ярко при сравненіи Сибири съ другими областями; когда на всю Сибирь приходилось до 1880 года четыре гимназіи, въ Финляндіи ихъ 6, на Кавказѣ 6, въ одесскомъ учебномъ округѣ 9-ть, въ кievскомъ 12. Въ Сибири между тѣмъ болѣе 4.000.000 жителей; въ кавказскомъ учебномъ округѣ 4.160.000 жителей; въ одесскомъ учебномъ округѣ 4.200.000, а въ финляндскомъ всего 1.200.000 жителей. Къ тому же надо привѣтствовать во вниманіе разстоянія одной мѣстности отъ другой въ Сибири, что несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для распределенія учащихся въ Сибири. Достаточно вспомнить, что четыре сибирскія гимназіи расположены были на пространствѣ 250.000 квадратныхъ миль и присоединяются къ казанскому учебному округу, который самъ равняется 26.705 квадратнымъ милямъ. Иначе сказать, сибирскія гимназіи растянуты по протяженію въ десять тысячъ верстъ.

По сословіямъ ученики сибирскихъ гимназій распредѣлялись въ 1880 г. слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 495, городскихъ сословій 184, сельскихъ — 21, слѣдовательно, сельскому населенію почти недоступно гимназическое образованіе. Въ девяти уѣздныхъ училищахъ Тобольской губерніи, по отчетамъ 1863 года, видно, что дѣтей крестьянъ было столько же, сколько и дѣтей чиновниковъ, т.-е. равно 18,5% общаго числа учениковъ. Въ 1861 году изъ 1.441 учащихся во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ Сибири было дѣтей крестьянъ 275, а дѣтей дворянъ 276. Несмотря на значительную численность инородцевъ въ Сибири, дѣти ихъ почти совершенно не пользуются учебными заведеніями. Въ друг-

тихъ областяхъ Россіи, гдѣ инородцевъ значительно менѣе, чѣмъ въ Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказѣ въ гимназіяхъ инородцы составляютъ 27% всего числа учениковъ; въ одесской гимназіи ихъ было 22%; въ казанскомъ округѣ — 2%; въ Сибири они не составляютъ и одного процента. Въ прежнее время инородцы принимались въ омскій кадетскій корпусъ, преобразованный теперь въ военную гимназію; сюда поступали дѣти киргизскихъ султановъ, но въ настоящее время ихъ перестали принимать и сюда.

Какое слабое вліяніе имѣли сибирскія учебные заведенія на увеличеніе образованнаго сословія, можно судить по числу окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ: въ иркутской гимназіи въ 1860 и 61 годахъ окончили курсъ по 14 человѣкъ; съ 1862 до 1865 года среднее число выпускнныхъ изъ гимназіи было 9 челов., затѣмъ ежегодно выходило отъ 6 до 11. Въ томской гимназіи въ 1871 г. окончившихъ курсъ было 23, въ 1872 г.—12 и въ 1873 году — 3 человѣка. Въ 1872 г. было получено извѣстіе, что въ классической тобольской гимназіи окончили курсъ всего 1 ученикъ. Въ 1872 и 1873 годахъ въ красноярской гимназіи въ VII классѣ находилось только 3 ученика, въ 1874 г. окончившихъ курсъ было — 3. Все это показываетъ, что прибыль образованныхъ людей въ Сибири изъ существующихъ тамъ учебныхъ заведеній была ничтожна и почти незамѣтна. Гимназіи, дававшія каждыи отъ 3 до 9 лицъ ежегодно на 4.000.000-е населеніе, единѣ могли оказывать замѣтное вліяніе.

Тѣмъ не менѣе, число учебныхъ заведеній постепенно замѣтно возрастило, а въ послѣднія 25 лѣтъ нельзѧ не видѣть успѣховъ.

Взглянемъ, напр., на Томскую губернію. Первая школа появляется здѣсь въ 1744 г., и принимаются въ эту школу — въ 1745 г. — двадцать два ученика. Проходитъ 44 года, а школа остается одинокой, «какъ рекрутъ на часахъ». Въ 1789 г. открывается главное народное училище Колыванскоѳ, въ которое принято 63 ученика, да два малыхъ народныхъ училища (въ Томскѣ и въ Шарыпѣ); сколько было принято въ послѣдніхъ учениковъ, мы не знаемъ, но извѣстно, что, въ 1804 г., въ этихъ двухъ училищахъ, единственныхъ тогда¹⁾ въ районѣ, болышею района

¹⁾ Съ упраздненіемъ въ 1797 г. колыванскаго намѣстничества, упразднены были и Колыванскоѳ глашное училище и Кузнецкое малое, такъ что съ раздѣлениемъ въ 1804 г. бывшей Тобольской губ. на Тобольскую и Томскую, въ послѣдней было только два малыхъ народныхъ училища.

нынѣшней Томской губернії¹⁾, было 127 учениковъ. Въ Томскѣ, правда, существовало тогда еще духовное училище, да въ Бійскѣ — «школа школьниковъ»; но первое предназначено было исключительно для духовенства, а послѣднее — для дѣтей военнослужащихъ. Когда Сперанский прибылъ въ Сибирь, онъ нашелъ въ Томской губернії всего-на-всего шесть училищъ²⁾, — это на территории въ 76 миллионахъ десятинъ и при населеніи въ 400 т. душъ! Къ 1838 г., почти черезъ столѣтіе послѣ открытия первой школы, въ нынѣшнемъ районѣ Томской губернії оказывается всего девятнадцать училищъ, изъ которыхъ восемъ, вирочемъ, приходилось на Алтайский горный округъ; въ вѣдѣніи же губернскаго вѣдомства было только пять школъ. Проходитъ 22 года, и къ началу шестидесятыхъ годовъ мы находимъ въ вѣдѣніи томской дирекціи уже не пять, а двадцать два училища³⁾ съ 1.115 учащимися, и въ томъ числѣ четыре женскихъ училища съ 143 учащимися дѣвочками, между тѣмъ какъ въ 1838 г. не было еще ни одного женского училища. Проходитъ еще 13 лѣтъ, и къ 1873 г. томской дирекціи подвѣдомствено уже не 22, а сто восемь училищъ, въ которыхъ обучается (вместо 1.115 уч. въ 1838 г.) до 3.757 челов. и въ томъ числѣ 752 дѣвочки. Черезъ 6 лѣтъ, къ 1879 г., въ Томской губернії оказывается уже 181 учебное заведеніе съ 6.351 учащимися. Наконецъ, по истеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, въ Томской губернії—къ 1889 г.—оказывается 384 учебн. заведенія съ 13.583 учащимися и въ томъ числѣ 3.546 дѣвочекъ. Стало быть, за тридцатилѣтій періодъ (1860—1873 г.) число школъ въ губерніи увеличивается почти въ пять разъ (на 86 шк.), а число учащимися—на 2.642 чел., что составляетъ среднее годовое приращеніе въ 218 уч.; за послѣдний же шестнадцатилѣтій періодъ (1873—1889 г.) число школъ увеличивается въ 2,8 разъ (на 276 шк.), а число учащимися—на 9.826 чел., что составить среднее годовое приращеніе въ 614 уч. Т.е. число учащимися за послѣдній періодъ возрастаетъ почти въ три раза быстрѣе, чѣмъ въ предшествующій.

Въ Иркутской губерніѣ первая школа (навигацкая) открыта черезъ 10 лѣтъ послѣ открытия первой школы въ Томской губ.—

¹⁾ До образования въ 1822 г. Енисейской губерніи, значительная часть послѣдней входила въ составъ Томской губерніи.

²⁾ Въ это число входило и горное училище въ Барнаулѣ, духовное — въ Томскѣ и военно-сиротскія «отдѣлія» въ Томскѣ и при Бійской крѣпости.

³⁾ Вмѣстѣ съ горнозаводскими школами, въ Томской губерніи было тогда больше сорока учебныхъ заведеній.

въ 1754 г.; черезъ 25 лѣтъ—въ 1779 г.—открыта была духовная семинарія, а въ 1781 г. появляется и иркутская городская школа, преобразованная въ 1789 г. въ главное народное училище. Въ началѣ текущаго столѣтія открывается въ Иркутскѣ гимназія, да уѣздице и приходское училища, и въ такомъ положеніи учебное дѣло остается безъ измѣненій до 1816 г., когда, по настоянию тогдашняго директора иркутской гимназіи Словцова, открыто было въ губерніи до 18 сельскихъ школъ. Является Сперанский, особенно заботившійся о насажденіи (при дѣятельной помощи Словцова) образования въ Иркутской губерніи; онъ учреждаетъ тѣ самомъ Иркутскѣ лаикастерскую школу, поощряетъ открытие приходскихъ училищъ, способствуетъ устройству народныхъ училищъ. Но съ отѣзdomъ его изъ Сибири народное дѣло опять приходитъ въ упадокъ. Мы не располагаемъ, къ сожалѣнію, для Иркутской губерніи такими данными, какія были въ нашемъ распоряженіи для Томской губ. Но что народное образование въ Иркутской губ. дѣлаетъ быстрые успѣхи, и именно за послѣднее время, ясно уже изъ того, что еще въ 1881 г. въ губерніи приходилась одна народная школа на 6.368 душъ населения и одинъ учащійся на 232 души, между тѣмъ какъ въ 1886 г. приходится уже одна школа на 1.854,9 душъ, а одинъ учащійся—на 101,1 душу, а къ 1890 г.—одна школа на 1.410,9 душъ и одинъ учащійся на 49 душъ населения.

Немного легче прослѣдить ростъ школьнаго дѣла въ Енисейской губ., образованной лишь въ 1822 г. Въ годъ ея образования въ цей имѣется одно только приходское училище (въ Кансѣ), остающееся одинокимъ цѣлыхъ десять лѣтъ, пока въ 1832 г. не открыто было въ Ачинскѣ «казенное» уѣздное училище. Въ такомъ положеніи дѣло остается вплоть до пятидесятихъ годовъ, когда повсемѣстно возникаютъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ сельскія приходскія училища, вслѣдъ за которыми начинаютъ открывать—съ шестидесятыхъ годовъ—и женскія школы. Черезъ 10 лѣтъ послѣ образования губерніи мы находимъ (къ 1862 г.) на ея обширной площади (въ 45.708,1 кв. м.) не болѣе 844 учащимися; по эта незначительная цифра менѣе чѣмъ въ 25 лѣтъ (1862—1886 г.) увеличивается слишкомъ въ $4\frac{1}{2}$ раза, и къ 1886 году мы находимъ въ Енисейской губерніи 127 учебныхъ заведеній съ 4.022 учащимися, между тѣмъ какъ еще въ 1879 г. въ ней было только 55 учебныхъ заведеній съ 2.319 уч. Черезъ три же года, къ 1889 г., въ Енисейской губерніи насчитывается уже 156 учебныхъ заведеній съ 4.847 уч. Стало быть, иль 18 лѣтъ (1861—1879 г.) число учащимися увеличилось въ 2,8, а въ послѣдующія

десѧть лѣтъ — въ 2,06 разъ, т. е. за посѣдніе десятилѣтіе число учащихся возростало относителью въ 1,32 раза быстрѣ.

Въ Тобольской губерніи къ 1879 г. было 267 учебн. завед. съ 8.414 уч.: приходилось одно уч. завед. на 4.548 душъ и одинъ учащійся на 162 д. населенія. А черезъ семь лѣтъ — къ 1886 г. учебн. заведеній оказывается уже 348 (больше на 81 ш.), а учащихся — 11.343 (больше на 2.925 уч.), и приходится уже, такимъ образомъ, одно учебн. зав. на 3.868 д. и одинъ учащійся на 119 д. Въ Забайкальской области мы находимъ въ 1879 г. 102 учебн. заведенія съ 4.027 учащихся, приходится одно учебн. зав. на 4.784 д. и одинъ учащійся на 121,2 д., а къ 1889 г. число учебн. зав. возрастаетъ до 183-хъ, а число учащихся до 6.109 чл., — приходится уже одно учебн. зав. на 3.090 д. и одинъ учащійся на 92,5 д. И т. д.

Изъ свѣдѣній военно-статистического сборника видно, что во время его составленія въ Сибири приходился одинъ грамотный на 664 чл. населенія, въ то самое время, когда въ прібалтійскихъ губерніяхъ приходился одинъ на 19 жителей, въ русскихъ губерніяхъ съ земскими учрежденіями одинъ на 168, а въ губерніяхъ, не имѣющихъ этихъ учрежденій — одинъ на 471. Но поть проходитъ около 25-ти лѣтъ, и изъ выпуска 2-го «Матеріаловъ по изслѣдованию землепользованія и хоз. быта сельского населенія Иркут. и Енисейск. губерній» мы видимъ, что въ трехъ округахъ Иркутской губерніи — Иркутскомъ, Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ — на 149.981 д. обоего пола русского населения грамотныхъ и учащихся было 9.904 или 6,6%; а въ отдельности по половамъ на 76.077 душъ муж. пола грамотныхъ и учащихся мужчинъ 9.188 и на 73.904 д. жен. пола — 716 ж., т. е. грамотные и учащиеся мужчины составляютъ 12,1% общаго числа мужчинъ, а грамотныя и учащиеся женщины 1% общаго числа женщинъ. Отдѣливъ учащихся, окажется, что грамотные мужчины среди всего мужскаго русскаго населения составляютъ въ округахъ: Иркутскомъ — 6,9%, Балаганскомъ — 6,7% и Нижнеудинскомъ — 5,8%; т. е. одинъ грамотный приходится въ округахъ: Иркутскомъ — на 14,5 жит., въ Балаганскомъ — на 14,8 жит. и въ Нижнеудинскомъ — на 17,2 жит.

И въ Иркутскѣ, какъ мы видѣли, въ началѣ текущаго столѣтія было только три учебныхъ заведенія. Тогда въ иркутскомъ обществѣ, по выражению современниковъ, «образованія не было почти никакого». Въ 1805 г. открывается Воскресенское училище, черезъ тридцать лѣтъ — въ 1835 г. — Крестовоздвиженское и Преображенское. Проходитъ оять почти тридцать лѣтъ, и въ 1864 г.

открывается Успенское училище. Но еще четверть вѣка, и къ 1890 г. въ Иркутскѣ такихъ училищъ, содержимыхъ исключительно на средства города, оказывается уже девятнадцать, хоть только за десять лѣтъ раньше (къ 1880 г.) ихъ было всего пять! Кроме того, къ 1890 г. въ г. Иркутскѣ было еще 13 начальныхъ училищъ, пользовавшихся субсидіей города, содержавшихся на частныя средства или на пожертвованные капиталы, содержавшихся благотворительными обществами и т. д. Если мы присоединимъ сюда еще 6 низшихъ училищъ и 5 среднихъ учебныхъ заведеній, пользовавшихся также отчасти субсидіей отъ города, то окажется, что въ Иркутскѣ было къ 1890 г. сорокъ пять учебныхъ заведеній вместо 23 къ 1880 г., т. е. число ихъ за десятилѣтіе почти удвоилось. Число учащихся въ однихъ только 18 начальныхъ училищахъ, содержащихся всецѣло на средства города, простиралось къ 1890 г. до девяти сотъ девяти, въ томъ числѣ 357 девоочекъ; присоединивъ же еще 10 учебн. зав., содержащихся также отчасти на городскія средства, мы насчитываемъ въ 28 училищахъ 1.712 учащихся, что составляетъ одного учащагося въ однихъ лишь начальныхъ училищахъ на 27,6 д. населенія, а надо замѣтить, что по даннымъ «Р. Вѣд.» къ 1886 г. приходился одинъ учащійся въ начальныхъ училищахъ: въ Петербургѣ на 80 жителей, въ Москвѣ на 75 ж., въ Казани — на 37 ж. и въ Томскѣ — на 27 ж. Во всѣхъ 32 начальныхъ училищахъ г. Иркутска было къ 1890 г. 2.048 учащихся, а съ присоединеніемъ къ нимъ 912 уч. изъ семи низшихъ училищъ, да 987 уч. — въ шести среднихъ, окажется, что во всѣхъ 45 учебныхъ заведеніяхъ г. Иркутска къ 1890 г. было 3.947 учащихся, и при этомъ общий расходъ на всѣ эти учебныя заведенія (отъ города, казны, частныхъ жертвователей и благотвор. учрежд.) простирался до крупной цифры въ 720.531 р. 67 $\frac{1}{4}$ к.! Иркутское городское общ. управление израсходовало въ 1889 г. на учебную часть 49.675 р. 48 к.; присоединивъ сюда расходы изъ специальныхъ капиталовъ: Кладицевой — 7.158 р. 25 к., Н. И. Трапезникова — 34.240 р. 91 $\frac{1}{4}$ к. и изъ капитала Н. И. Трапезникова 102.855 р. 52 к., мы видимъ, что одно лишь начальное школьнѣе дѣло поглотило въ 1889 г. въ Иркутскѣ 193.930 р.! Правда, въ этомъ году были экстренные расходы — на покупку земли для Трапезниковской школы и на постройку училищныхъ зданий, но на все это израсходовано было только 60.408 р. 52 к., такъ что свыше 130 тысячъ р. составляетъ какъ бы нормальный расходъ на начальное образование въ городѣ. Вирочемъ, отбросимъ даже расходы изъ специальныхъ капиталовъ, остановимся на суммѣ,

израсходованной исключительно изъ городскихъ средствъ, и тогда нельзя будетъ не убѣдиться, что Иркутскъ относительно опередилъ и Петербургъ, и Москву. Это ясно изъ слѣдующей таблички:

	Общій расходъ.	На учебную часть вообще.	%	Собственное начальное образование.	%
Москва . . .	6.826.559 р. 15 к.	476.878 р. 97 к.	6,9	411.727 р. 57 к.	6,03
Петербургъ . . .	7,928.151 » 58 »	609.659 » 80 »	7,8	545.965 » 88 »	6,8
Иркутскъ . . .	295.698 р. 82 ³ /4 к.	49.675 » 48 »	16,8	25.411 » 48 »	8,5

Томскъ и Иркутскъ занимаютъ между сибирскими городами первое мѣсто по размѣрамъ расходовъ и педагогическимъ приспособленіямъ. Но и въ другихъ городахъ, где самоуправление развивалось при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ, народное образование сдѣлало также весьма замѣтные успѣхи и, по процентному отношенію учащихся, они занимаютъ очень почетное мѣсто. Въ г. Тобольскѣ въ 1885 г. было 15 учебныхъ заведений съ 1.910 учащихся, да 808 уч. въ среднихъ учебн. завед., т.е. при населеніи всего въ 20.074 душъ, тамъ было 2.718 учащихся,—цифра, сравнительно, громадная. Въ однихъ лишь начальныхъ учебн. заведеніяхъ обучался одинъ изъ 15,9 душъ общаго населенія. Въ г. Семипалатинскѣ обучался въ 1885 г. во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ (начальныхъ и среднихъ) одинъ изъ 15,1 жителей. — Въ г. Красноярскѣ при 19.840 д. населенія было, въ томъ же году, 13 учебн. завед. съ 929 уч., такъ что учился одинъ изъ 21,4 жит. Въ г. Читѣ, при населеніи въ 4.735 душъ, было 10 учебныхъ заведений съ 526 учащими; здѣсь приходился одинъ учащийся на 9 душъ населенія, и изъ общаго расходного бюджета на 44.786 р. на инк. дѣло расходовалось 6.895 р. или 15,2% и т. д.

Въ стремлениі своемъ къ разлитию просвѣщенія, къ широкому распространенію народнаго образования сибирское общество не ограничивалось и це ограничивается одиѣми лишь школами. Сибирскіе города обращаютъ на себя усиленное вниманіе людей безпристрастныхъ своими музеями и библиотеками.

Нельзя сказать того же о сельской школѣ и распространеніи обученія въ округахъ.

Въ городахъ Сибири обучалось 1 изъ 18,4 душ. городскаго населенія.

Въ округахъ: обучалось 1 изъ 143,3 (въ 7,7 разъ меньше).

Въ городахъ: 1 учебное заведеніе приходилось на 1.341,3 жителя или на 78,8 учащ.

Въ округахъ: 1 учебное заведеніе приходилось на 3.345,4 чел. или на 23,5 учащ.

Образование мужскаго населения въ округахъ слабѣе въ 7,4 раза.
» женскаго » » » 19,2 »

Неравномерность распределенія образования по городамъ и округамъ выступаетъ еще рѣзче, если разматривать его по отдельнымъ губерніямъ:

	Тобольск. губ.	Томская губ.	Семипалат. область.	Алтайск. область.	Иркутск. губ.	Байкаль. губ.	Якутск. обл.	Забайкаль. ская обл.
одинъ учащийся на чило душъ								
а) по всей губерніи . . .	118,7	180,8	195,4	87,4	52,7	111,2	412,2	84,8
б) въ округахъ . . .	180,9	182,0	500,8	198,6	101,1	118,5	123,5	102,2
в) въ городахъ . . .	15,9	22,7	17,0	18	11,1	25,7	18,7	17,6

Вотъ цифры, указывающія на распределеніе школъ и учащихся въ нихъ по волостямъ, въ Тобольской губерніи.

Въ 1880 г. сельскихъ школъ въ Тобольской губерніи было 205. Всѣ они находятся исключительно въ русскихъ волостяхъ; волостей съ русскимъ населеніемъ считается 158, селений въ нихъ 2.860, число жителей обоего пола 980 т. Въ 10-ти волостяхъ въ упомянутомъ году школъ вовсе не было. Такимъ образомъ, всѣ школы упадаютъ на 148 волостей, съ числомъ селений 2.680 и жителей 920 т. 36 волостей имѣютъ по 2 школы, 6—по 3 и 3—по 4, во всѣхъ остальныхъ волостяхъ по одной школѣ.

На пять округовъ Якутской области, съ населеніемъ около 250.000 душъ, въ 1886 г. считалось 12 сельскихъ начальныхъ школъ, такъ что въ общемъ одна школа приходится слишкомъ на 20.000 чел. Въ школахъ этихъ въ описываемомъ году обучалось 152 ученика, что среднимъ числомъ даетъ 12 (12,6) учениковъ на каждую школу и одного учащагося на 1.644 чел. общаго населенія округовъ. Такой незначительный процентъ сельскихъ школъ и учащихся въ нихъ, по отношенію къ общему числу жителей въ округахъ, въ связи съ малоуспѣшностью учениковъ, свидѣтельствуетъ, что дѣло народнаго образования въ области находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи.

Принимая численность населенія въ Томской губ. въ 115.039—въ городахъ и въ 1.132.273—въ селеніяхъ, мы увидимъ, что въ городахъ приходится по 1 школѣ на 1.797 жителей и по 1 уча-

щемуся на 23 жителей, а въ селеніяхъ по 1 школѣ на 3.931 жителя и 1 учащемуся на 148 жителей; или, для всей губерніи, по 1 школѣ на 3.543 жителя и по 1 учащемуся на 99 жит.

«Официальныхъ школъ, сельскихъ или церковно-приходскихъ, говорятъ Г. Астрыевъ (Очеркъ быт. В. Сибири), въ извѣстной мѣрѣ части Иркутской губерніи, очень немного, преимущественно по одной на волость; рѣдкія волости имѣютъ по двѣ школы, за то встречаются совсѣмъ не имѣющія таковыхъ; если приглядѣть во вниманіе громадность протяженій сибирскихъ волостей, то не трудно прийти къ заключенію, что большинство селеній отстоитъ отъ школъ въ разстояніяхъ, не допускающихъ возможности ежедневнаго ихъ посѣщенія учениками; и дѣйствительно, значительная масса населенія не пользуется школами вовсе потому, что посыпать ежедневно дѣтей за 10—20 и болѣе верстъ немыслимо, а никакихъ почтенныхъ приютовъ и квартиръ при школахъ не имѣется». Такимъ образомъ, народная школа и сельское образование въ Сибири весьма отсталы.

По мѣрѣ увеличенія числа среднихъ учебныхъ заведеній увеличивалось и число сибиряковъ, стремившихся къ университетскому образованію. Стремленіе это достигло въ послѣднее время весьма высокихъ размѣровъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что учащихся въ Петербургѣ въ 1885—1886 академическомъ году студентовъ-сибиряковъ находилось 97 чел. (а всѣхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, считая и женскіе курсы—150 чел.). По свѣдѣніямъ о студентахъ-сибирякахъ въ Московскомъ университѣтѣ, сообщеннымъ въ «Сибирской Газетѣ» за 1886 годъ (№ 19), число ихъ доходило въ 1886 году до 50 чел. (по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, число ихъ доходитъ нынѣ въ Москвѣ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до ста).

По статистическимъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ о казанскихъ студентахъ-сибирякахъ, видно, что въ 1885—1886 г. общее число ихъ, какъ сказано выше, было 89 чел., причемъ замѣчается изъ года въ годъ увеличеніе процента сибиряковъ сравнительно съ общимъ числомъ студентовъ университета, а именно этотъ процентъ возросъ въ періодъ времени отъ 1880 г. до 1886 г. съ 4,93 до 9,16.

Такимъ образомъ, общее число студентовъ сибиряковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани, по собраннымъ свѣдѣніямъ въ 1886 г., составляло 236 чел. Любовь къ наукѣ доходила у сибирской молодежи до самоотверженія. Между тѣмъ недостатокъ среднеучебныхъ заведеній по необходимости сдерживалъ стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ велико было бы оно при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ; можно судить

и о томъ, какъ много потеряла Сибирь отъ того, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти 50 лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ, замѣчающей г. Вагинъ.

Недостатокъ образованныхъ людей отражался во всѣхъ сферахъ жизни.

Сибирь много теряетъ отъ недостатка специалистовъ, въ пей неѣтъ техниковъ, почему промышленность находится въ затруднѣніи. Производства развиваются туго; Сибирь поэтому не можетъ удовлетворить себѣ никакими собственными производствами, она пользуется всѣмъ привознымъ, начиная съ гвоздя, при массѣ资料а же желѣза, и кончая сукнами—при огромномъ количествѣ шерсти и скота. Всѣ товары достаются Сибири необыкновенно дорого и самаго дурнаго качества; многие сорты русскихъ фабрикъ и даже кустарной промышленности имѣютъ сбыть только въ Сибири. Сибирь находится подъ торговымъ игомъ отдаленныхъ мѣстностей съ ихъ мануфактурными центрами. Между тѣмъ потребности сибирского населенія все болѣе растутъ, и тяжестъ, ложащейся на потребителей въ силу дороговизны привознаго, за отсутствиемъ своего, всего болѣе даетъ себя чувствовать. Не поможетъ Сибири и изобиліе сырья, съ которымъ она не знаетъ что дѣлать,—мѣхѣ, кожи, сало она не умѣеть обрабатывать, хлѣбъ ей некуда сбывать; для основанія металлическаго производства неѣтъ знаній и средствъ. Мѣстное изобиліе, иль видѣ скота и хлѣба, только понижаетъ цѣны и даетъ прибыль одному прѣїзжимъ торговцамъ, закабалющимъ населеніе. Таково экономическое положеніе Сибири. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдаютъ отсутствиемъ всякихъ раціональныхъ способовъ веденія дѣла. Масса скота падаетъ въ Сибири отъ язвы, отъ эндемій, отъ небрежнаго ухода, и пособить этому недостаетъ знаній. Молочные и скотоводческие продукты пропадаютъ даромъ: множество сортовъ морской и рѣчной рыбы, за неумѣньемъ приготовлять и солить ее, гибнуть на берегахъ; самые богатые уловы не служатъ ни къ чему для населенія. Недостатокъ образованныхъ людей даетъ себя знать во всѣхъ сферахъ труда и промышленности.

Въ Сибири большой недостатокъ учителей для учебныхъ заведеній. 12 лѣтъ назадъ, еще въ нашихъ газетахъ была публикація отъ министерства народнаго просвѣщенія, которое дѣлало вызовъ на вакантныя и позамѣненныя должности пятитихъ смотрителей и учителей въ слѣдующихъ городахъ: Ачинскѣ, Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Нижнеудинскѣ, Киренскѣ, Енисейскѣ, Верхнеудинскѣ и Троицкосавскѣ. Еще бѣльшій недостатокъ въ Сибири медиковъ. На цѣлые округа, величиной въ евро-

нейськія государства, приходиться одинъ медикъ, да и толь въ разыдахъ; цѣлья ишородческія области находятся безъ медицинской помощи. Въ Березовскомъ краѣ, по словамъ доктора Соколова, остатки умираютъ отъ цынги, тифа, сифилиса и простуды; болѣзни адѣсь осложняются и принимаютъ и невиданныя нигдѣ формы. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Восточной Сибири развитіе сифилиса въ Киренскомъ округѣ принимаетъ третичныя формы, зараженными являются ноголовно цѣлья семи и даже иногда родится дѣти уже съ испорченными kostями. Якутская область, въ 70.000 квадр. миль, съ 230.000 жителей, имѣла только трехъ уѣзныхъ врачей; въ послѣднее время въ этой части Восточной Сибири свирѣпствовала оспа на пространствѣ 7.000 верстъ; ишородческое населеніе было заражено ноголовно; въ Камчаткѣ, Гижигѣ и Охотскѣ постоянно свирѣпствуютъ разныя болѣзни; чтобы хотя иѣсколько пособить бѣдствующему населенію, изъ Петербурга командированы три врача. Мы не перечисляемъ подробно недостатокъ медицинской части въ Сибири; мы упоминули объ этомъ для того, чтобы показать, какъ страдаетъ Сибирь отъ недостатка здѣсь образованыхъ людей. Вопроѣ о расширениіи образования въ Сибири стала теперь самыи существенныи жизненныи вопросомъ. Но недостатокъ образования, кромѣ непосредственнаго вліянія на практическія стороны жизни, долженъ быть отражаться и на иссѣмъ умственномъ складѣ сибирскаго общества и его общественной жизни.

По еще чувствительнѣе на Востокѣ и въ Сибири, вслѣдствіе недостатка образования, явилось отсутствіе мѣстного образованія сословія или интеллигентіи. Сибирь много терпитъ отъ недостатка въ ней людей образованыхъ: все лучшее, что воспитывается въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и стремится получить высшее образованіе, никогда уже не возвращается изъ Сибири. Въ Сибирь же приѣжаютъ изъ прочихъ губерній Россіи по большей части люди съ изыщомъ или съ сомнительнымъ прошлымъ. Недостатокъ честныхъ и образованыхъ людей адѣсь давно чувствовался, на это жаловались Снеранскій, Каццевичъ, это чувствуется до послѣднаго времени¹⁾). Въ Сибирь вызывали искусственно людей.

¹⁾ Число лицъ по образованію въ сибирскомъ обществѣ и мѣстной администраціи, конечно, трудно было опредѣлить, но все-таки и по этому поводу имѣются иѣкоторыя свѣдѣнія, а именно по иркутскому календарю 1875 года видно, что въ 1861 году въ числѣ штата служащихъ въ Восточной Сибири было въ двухъ губерніяхъ, съ Забайкальской областью, только 39 человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, 101 съ гимназическимъ и 271 кончишихъ курсъ въ пізшихъ училищахъ.

увеличина оклады, давая поощрепія, но и эта мѣра почти не приводила къ цѣли. Извѣлась масса людей, соблазнившихся содержаниемъ и окладами, но самый мотивъ, побуждавшій ихъѣхать въ отдаленный край, показывалъ, что самый край не игралъ никакой роли въ ихъ соображеніяхъ. Конечно, приѣзжали въ Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служеніе странѣ, во ихъ было немнога и дѣятельность ихъ была временная; за то было слишкомъ много авантюристовъ, которые надѣлали не мало зла пріоцѣвшему ихъ краю. Представители интеллигентіи и знація, забравшись въ Сибирь, сбились какъ можно скорѣе выбраться изъ нея, вывозя очень много и взамѣнъ оставляя очень мало. Ученые вывозили изъ Сибири рѣдкости и опустошили архивы; инженеры и техники—лучшіе образчики коллекцій; предпріимчивость, закипутая въ Сибирь — богатство. Обмыть, такимъ образомъ, не уравновѣшивалась, и край мало выигрывалъ. Изъ него вышло много даровитыхъ людей, художниковъ, писателей, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ туземцевъ, которые много поработали для отечества, но вообще очень мало сдѣлали въ частности для Сибири. Самыя учебныя заведенія при такомъ фатальномъ законѣ играли странную роль: отчасти они сами поискались въ своихъ достоинствахъ подъ вліяніемъ небѣжественной среды, а основываемыя самимъ обществомъ, подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь случайныхъ импульсовъ, не поддерживались имъ; съ другой стороны, они способствовали выѣзду изъ края всего наиболѣе даровитаго, оставляли его безъ послѣднихъ ресурсовъ и ничѣмъ не могли вознаградить его за потери. Поэтому Сибирь представляла доселе странное и исключительное явленіе, это было общество безъ образованіаго молодаго поколѣнія, дерево безъ цветовъ и плодовъ. Положеніе образованаго человѣка въ сибирскомъ обществѣ было невыносимо тяжело: среди небѣжественной среды, полной грубыхъ недостатковъ, онъ являлся одинокимъ, не имѣть почвы, не было даже небольшого кружка людей, къ которымъ онъ могъ бы примкнуть и признать въ нихъ свое отечество. Онъ не находилъ себѣ поддержки и сочувствія; ученые въ Иркутскомъ географическомъ отдѣлѣ называютъ себя «закинутыми» въ эту печальную край. Люди съ слабыми силами силоы и рядомъ погибали здѣсь и падали нравственію (такъ погибла здѣсь, напримѣръ, масса медиковъ и учителей).

Стремленіе къ просвѣщенію, однако, все сильнѣе чувствовалось, а потребности образования проявили въ сознаніе общества. Что мѣстное общество не чуждо этого сознанія доказало сочув-

ствіе и вадельянная на сибирской почвѣ идея о сибирскомъ университѣтѣ.

Вопросъ о сибирскомъ университѣтѣ получилъ особенное значеніе въ краѣ въ виду отсутствія въ немъ какого-либо просвѣщенія класса и отсутствія умственной жизни, той диригирующей, управляющей функциями жизни силы, которая составляетъ необходимое свойство соціального живаго организма.

Университетскій вопросъ, какъ вопросъ гражданскій, былъ хорошо понятъ мѣстнымъ обществомъ; отсюда въ продолженіе многихъ лѣтъ проявлялись весьма опредѣленныя стремленія этой идеи занять свое мѣсто. Ходъ подготовкіи и состоянія университета въ Сибири составляетъ весьма видный актъ въ исторіи просвѣщеній, чтобы не остановиться на немъ.

Мысль объ основаніи Сибирскаго университета явилась весьма давно. Еще въ Высочайше утвержденныхъ Императоромъ Александромъ I предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, опубликованныхъ при указѣ Правительствующаго Сената 24-го января 1803 года, постановлялось, между прочимъ (пун. 14), что въ учебныхъ округахъ учреждаются университеты «для преподаванія наукъ въ высшей степени», коихъ въ то время начинчалось 6, а именно, кроме существовавшихъ уже въ Москве, Вильнѣ и Дерптѣ, въ округѣ С.-Петербургскому, въ Казани и Харьковѣ, и затѣмъ предполагаются для университетовъ городовъ Кіевъ, Тобольскъ, Устюзъ-Великій и другие, «по мѣрѣ способности, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Всѣдѣстіе такого заявленія правительства о намѣреніи учредить, когда окажется возможнымъ, университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, известный П. Г. Демидовъ, дѣлая свои зириспиты пожертвованія на пользу отечественнаго просвѣщенія, между прочимъ, пожертвовалъ въ томъ же году 100.000 рублей для предназначенныхъ къ открытию Кіевскаго и Тобольскаго университетовъ. Въ письмѣ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго къ Демидопу, отъ 6го июня 1803 года, относительно этого капитала говорилось: «что касается до суммъ, которые вы расходуете за благодѣніе моимъ училищамъ, то къ тому ближайшее средство положить опытъ въ воспитательный домъ вѣчнымъ капиталомъ, назнача доходъ отъ процентовъ, по мѣрѣ капитала, каждому мѣсту опредѣленному; а доколѣ приспѣть время къ открытию университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ, то капиталы, симъ училищамъ отъ васъ определенные, росли бы обращеніемъ своимъ, безъ прикосновенія къ опымъ».

Итакъ, уже въ начатѣ нынѣшняго столѣтія въ правитель-

ственныхъ сферахъ и въ кругу образованныхъ людей ясно сознавалась мысль о необходимости учрежденія въ Сибири университета. Не приводилась она въ исполненіе цѣлыхъ 75 лѣтъ, по многимъ причинамъ: отчасти въ виду болѣе близкихъ заботъ о просвѣщеніи въ Европейской Россіи и о созданіи здѣсь университетовъ, отчасти потому, что самое осуществленіе Сибирскаго университета казалось многимъ преждевременнымъ, по имѣвшемуся незначительному числу среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ и по незначительности населенія въ Сибири вообще, а также вслѣдствіе возникавшихъ опасеній, что въ университетѣ будетъ слишкомъ малое число слушателей, что трудно будетъ привлечь достаточное число хорошо подготовленныхъ преподавателей, и, наконецъ, что такимъ образомъ значительные расходы, потребные отъ казны на содержаніе университета и на возведеніе нужныхъ ему зданий, не вознаградятся въ достаточной мѣрѣ и не дадутъ желаемыхъ результатовъ.

Дѣйствительно, просвѣщеніе въ Сибири развивалось весьма медленно. Сперанскій властѣтъ Сибирь съ обрывками специальныхъ учрежденій, виждущихся въ краѣ безъ искрой системы, какъ когда-то навигаціонныя школы безъ мореплаванія. Окъ увидѣть эту обширную страну страною «невѣжественной черни и стверженіиъ преступниковъ», хотя она представляла «всѣ удобства для гражданскаго развитія», какъ выражался онъ, и при умѣніи пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественною колоніею Россіи.

Сдѣлавшись генераль-губернаторомъ и распорядителемъ судебъ Сибири, Сперанскій не могъ не обратить вниманія на жалкое и безнomoщное положеніе учебной части въ этомъ краѣ. Своими заботами и хлопотами о развитіи просвѣщенія въ Сибири, Сперанскій привлекъ къ этому дѣлу генераль-губернатора Западной Сибири Капцевичъ и вызвалъ сочувство даже попечителя казашскаго учебного округа Магницкаго. Сибирскій комитетъ согласился съ предложениями Сперанскаго, Капцевича и Магницкаго, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образование для Сибири «полезно и согласно съ принятыми для управлениія Сибирью правилами». Такимъ образомъ мысль о Сибирскомъ университѣтѣ снова возникаетъ.

Генераль-губернаторъ Капцевичъ, во всенодданійшемъ рапортѣ 20-го марта 1823 года, указывалъ на недостатокъ правительенныхъ началь въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ

Европейской России. Онь докладывалъ о необходимости учреждения въ Сибири высшаго учебнаго заведенія. Тогда же Магницкій представилъ проектъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища, въ видѣ отдѣленія Казанскаго университета, съ цѣлью приготовлять въ немъ учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ, студентовъ для исконной миссіи, дѣтей сибирскихъ чиновниковъ къ гражданской службѣ, а купеческихъ дѣтей — къ торговлѣ съ Китаемъ. На содержаніе училища Магницкій исчислилъ 66.750 рублей въ годъ, кроме постройки зданія и содержания пансионеровъ. При осуществленіи своего проекта онь, между прочимъ, имѣлъ въ виду употребить пожертвованій Демидовыемъ капиталъ въ 50.000 рублей на учрежденіе университета въ Тобольскѣ, который чрезъ приращеніе процентами, въ 1822 году, представлялъ сумму въ 121.301 руб. 75 коп. и давалъ 6.000 дохода. Изыскивая цовыя средства, Капцевичъ проектировалъ отдавать въ оброчное содержаніе рыболовныя озера Западной Сибири, Часы, и оброчную плату обращать на содержаніе высшаго училища. Предполагалось на Сибирскій университетъ употребить также доходы съ имѣнія бывшей именной иезуитской коллегіи. Но демидовское пожертвованіе было передано въ Московскій университетъ, и мысль о высшемъ учебномъ заведеніи въ Сибири, возбужденная Капцевичемъ и одобренная сибирскимъ комитетомъ, осталась, къ сожалѣнію, безъ исполненія надолго. Взамѣнъ университета, въ 1835 году повелѣно было содержать въ сибирскихъ гимназіяхъ и въ Казанскомъ университете казенныя воспитанники изъ сибирскихъ уроженцевъ, число которыхъ было ограничено. Въ представлении Капцевича мы находимъ вѣсъ тѣ мотивы необходимости высшаго учебнаго заведенія для такого отдаленнаго и ботатаго края, какъ Сибирь, которые вошли въ позднѣйшія представленія. Всякий сколько-нибудь дальновидный государственный человѣкъ не могъ не предвидѣть, что громадный край, изобилующій въ большей его части разными естественными произведеніями, обладающій несметными минеральными богатствами, долженъ быть привлечь населеніе, которое будуть нуждаться въ средствахъ образованія для подростающихъ поколѣній, не говоря уже о значительномъ числѣ людей, живущихъ въ Сибири вслѣдствіе служебныхъ обязанностей и дѣти которыхъ также нуждаются въ образованіи. Невозможность удовлетворенія такой потребности въ самомъ краѣ неминуемо должна была производить восторжный отливъ молодаго поколѣнія изъ Сибири въ Европейскую Россию, гдѣ представлялись всѣ средства для получения образования, и эта часть сибирского насе-

ления въ болѣйшей части случалась для Сибири потеряна ма-
всегда, такъ какъ, свыкнувшись съ болѣйшими удобствами жизни,
лишь немногіе изъ уѣхавшихъ рѣшились возвращаться въ тотъ
краѣ, лишая его тѣмъ самымъ совершение естественнаго и на-
дежнаго элемента для занятія должностей по вѣмъ частимъ
местной администраціи и на всѣхъ поприцахъ разнородной част-
ной дѣятельности.

Не смотря на сознанную потребность и постоянно ощущаемый недостатокъ въ Сибири въ образованныхъ людяхъ, до университета съ 1835 года умолкло лѣто на 20. Въ это время на Сибирь всего менѣе обращалось вниманія, она стала страною забытой, и даже періодъ золотопромышленности въ 40-хъ годахъ не принесъ заботъ о просвѣщеніи края. Это былъ весьма темный періодъ въ жизни сибирскаго общества. Нечего говорить, что двѣ гимназіи могли дать самый ничтожный контингентъ людей средняго образованія, даже если бы они стояли на уровнѣ своего призыва. Къ сожалѣнію, эти гимназіи, отдаленные, не спабженныя достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогаго существованія. Въ сибирской гимназіи нехотно являлись преподаватели, а потому множество каѳедръ оставалось вакантными, остальные замѣщались людьми, случайно на нихъ попавшими или разными авантюристами, наполнившими Сибирь. Среди нихъ встрѣчались слѣпые, хромые, полуумасшедшіе, слившіеся съ круга, люди жестокаго права и крайне скучныхъ познаній. Я помню свою гимназію,— пишетъ одинъ сибирякъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— какъ собраніе монстръ-преподавателей, которые ежедневно предъ нами не столько излагали познанія, сколько давали разныя комическія и юмористическія представленія: одинъ разъ рассказывалъ избитые анекдоты, надъ другимъ, пѣмцемъ, глумились и хохолили до упаду, третій гонялся за нами съ костылемъ; въ коридорахъ и на окнахъ артель учениковъ ставила часовыхъ, чтобы предупреждать пьющихъ въ коридорѣ водку учителей о появлѣніи инспектора. Тутъ было не до науки! Гимназіи въ такомъ видѣ существовали до 60-хъ годовъ. Кто же исполнилъ роль образователей въ иѣзольскихъ губерніяхъ и областяхъ Сибири за отсутствіемъ просвѣщенія? Составъ мѣстныхъ канцелярій спабжалъ семинаріи, бурсы, пакощецъ полуbatisонъ военныхъ кантонистовъ. Понятно, какихъ дѣятелей изъ нихъ получала сибирская администрація. Если изъ нашихъ школъ выходили иногда люди способные и съ дарованиями, какъ сообщаетъ г. Вагинъ, то не нужно забывать, что изъ тѣхъ же бурсы и кантонистовъ выдвигались заби-

тые разгами идиоты, воришки казенного имущества, безграмотные писаря, выслуживавшиеся впогда до высших должностей холопством и пропырствами. Другую часть сибирского общества воспитывали ссылочные преступники или заезжие спекулянты, которые вмѣстѣ съ просвѣщениемъ развивали у дѣтей пороки. Иные глумились надъ претензіей сибирскихъ жителей «обучаться», и какой-то ссылочный иностранецъ-филологъ обучилъ сына купца въ наемнику татарскому языку, вместо французского. Такова была судьба края, гдѣ не было правильной системы воспитанія, гдѣ не было представителей настоящей науки, не было здороваго воздуха умственной жизни. Въ такой средѣ настоящій просвѣщенный человѣкъ рисковалъ или задохнуться или сѣшить бѣжать, бѣжать изъ нея,— и изъ Сибири бѣжали.

Университетскій вопросъ между тѣмъ находился какъ бы подъ спудомъ. Это происходило оттого, что Сперанскій и другіе администраторы, мечтая о привитіи просвѣщенія, а также поднимая вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для края, къ сожалѣнію, слишкомъ попадались на обыкновенный административный приемъ поднятія этихъ вопросовъ, путемъ канцелярской переписки, забывая одно, что въ такомъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, должно быть привлечено и общество своимъ участіемъ, что въ немъ самомъ должна быть затронута потребность жизни — искра сознанія, и что только на этомъ фундаментѣ прочны и осуществимы подобныя учрежденія. Мысль о высшемъ образованіи въ Сибири не могла однако совершиенно заглохнуть, она появляется снова въ подолинѣ 50-хъ годовъ. Это сминало уже съ началомъ прошлаго царствованія.

Что мысль о Сибирскомъ университѣтѣ не была совершенно забыта въ офиціальныхъ сферахъ, свидѣтельствомъ служить всенодданийский докладъ министра народнаго просвѣщенія Норова, по изѣкоторымъ вопросамъ народнаго образования, представленный имъ Государю Императору 5-го марта 1856 года; изъ доклада видно, между прочимъ, что правительство въ то время уже признало полезнымъ учрежденіе въ Сибири университета. Заявляя объ этомъ, Норовъ присовокупилъ, что «эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможной, обѣщаетъ великія послѣдствія краю, котораго природныя богатства и местныя обстоятельства ожидаютъ также животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды». По предположенію Норова осталось невыполненнымъ, отчасти по причинамъ, приведеннымъ выше, отчасти же вслѣдствіе того, что въ теченіи 20 лѣтъ, протекшихъ со времени его заявленій, министер-

ство было озабочено различными работами во устройствѣ другихъ учрежденийъ, преобразованіями ихъ и учрежденіемъ новыхъ учебныхъ заведеній въ Европейской Россіи.

Среди непротглядныхъ сумерекъ сибирской жизни, можно сказать, что это быть единственный вопросъ, который временами освещалъ царившій мракъ и соединялъ около себя общественныя симпатіи. Въ то время, когда вопросъ объ университѣтѣ на Востокѣ временно замолкъ въ Сибири и рѣже вызывалъ толки вообще въ русскомъ обществѣ, мы находимъ о немъ статью въ берлинскомъ журнальѣ, въ «Архивѣ Эрмана», которая довольно подробно затрагиваетъ вопросъ о значеніи русской науки на азиатской окраинѣ, говорить о предстоящемъ основаніи въ Сибири университета, знакомить съ пожертвованіями, сдѣлаными на него, и довольно основательно разбираетъ преимущества различныхъ городовъ, гдѣ его можно было бы открыть.

Такимъ образомъ, вопросу о Сибирскомъ университѣтѣ сущест-
венно было возникать періодически. Пожертвованіе Демидовыя было въ 1803 году; представление Кашевича въ 1823; докладъ министра Норова въ 1856 году, а послѣднее представление генераль-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытию особой комиссіи, было въ 1875 году. Съ 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведеніе въ Сибири начали заявлять письма часто какъ лучшіе администраторы, такъ и лица, заинтересованныя просвѣщеніемъ края. Въ Тобольской губерніи сторонникъ этой мысли явился бывшій тобольскій губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ; въ Восточной Сибири особенно сочувственно отнеслась къ этой мысли учебное вѣдомство. Шестидесятые годы, столь богатые надеждами на будущее и означені-
ванные реформами, не могли не вызвать ожиданий и въ отдален-
ной Сибири, сосредоточившейся на занятой идеѣ объ университе-
тѣ. Въ это время Иркутскъ, получившій значеніе наиболѣе ин-
телигентнаго и первостепеннаго центра Сибири, принялъ подъ свое покровительство и дѣятельно разработыкалъ ту же идею. Въ Иркутскѣ обѣ этомъ или учебные сопѣты и были дѣлаемы не-
однократныя представленія. Въ это время вся Сибирь была убѣждена, что университетъ долженъ быть основанъ въ Иркутскѣ. Изѣкоторыя частныя лица также пробовали поднять этотъ вопросъ. Нѣкоторый профессоръ Эйхвальдъ въ это время велъ переписку по поводу Сибирскаго университета съ однимъ золотопромышленникомъ. Г. Сидоровъ, предложилъ пожертвование 20 гектаровъ прі-
посковъ, а также до 10.000 р. въ годъ на разработку этихъ пло-
щадей, но пожертвованіе это, о которомъ говорилось уже и въ

печати, почему-то было отклонено. Въ тѣхъ же 60-хъ годахъ мысль объ университѣтѣ явилась любимою мыслью молодыхъ выступавшихъ сибирскихъ писателей. Объ этомъ писались статьи, читались публичныя лекціи въ Красноярскѣ, Томскѣ и Омскѣ, проектировалось цѣлое общество для собиранія пожертвованій. Однимъ словомъ, университетскій вопросъ сосредоточилъ надежды и идеалы будущаго, онь отождествляя вообще съ лучшою будущностью края, на немъ поконилась вся сила убѣжденія и жаръ молодаго сердца. Въ 60-хъ годахъ создалась цѣлая литература о Сибирскомъ университѣтѣ. Онь сдѣлался не чуждъ и массѣ населения. Послѣдній горожанинъ, послѣдній мѣщанинъ въ глухомъ уѣздѣ нѣмъ говорить о немъ. Бѣдные городскіе классы въ Сибири и мелкое чиновничество было заинтересовано въ немъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Такъ какъ въ Сибири нѣть крупнаго и богатаго дворянства, то контингентъ гимназій наполняется въ большинствѣ бѣдняками. Окончившая курсъ среднеучебныхъ заведеній, эти бѣдяки не могли получить дальнѣйшаго образованія, такъ какъ проѣздъ до университетовъ обходится дорого. Въ то время, когда только нѣкоторые счастливы, благодаря средствамъ или кампійнымъ стипендіямъ, пробирались въ университетъ, люди способные, съ каждой вианіемъ, талантомъ и опредѣлившимся часто призваниемъ толгали въ безвѣстныхъ сферахъ мѣстныхъ канцелярій или въхали въ глухую сибирскую тайгу на пріиски, уходили въ приказчики и цѣлую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенныхъ желаній здапія. Нѣкоторые изъ сибирской молодежи, безъ всякихъ средствъ, путешествовали чуть не пѣшкомъ, съ обозами, въ дальние университеты; это было своего рода пилигримство¹⁾. Отцы, разстанавшиеся на-долго съ дѣтьми, глубоко чувствовали разлуку, нѣкоторымъ уже никогда не было суждено увидѣть дѣтей своихъ. Лучшія силы изъ Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, еслибы высшее учебное заведеніе было на мѣстѣ. Этого не могли не сознать самые простые люди. Отъ этого въ вопросѣ о просвѣщеніи звучали давно наболѣвшія жалобы и семейныя слезы; по университетѣ созидался въ смыслѣ и общихъ потребностей. Часто, при недостаткѣ знающихъ людей, специалистовъ, техниковъ, химиковъ (золотопромышленникѣ для анализа какого-нибудь

¹⁾ До послѣдняго времени видно, какими испытаніями подвергается сибирское юношество въ погонѣ за просвѣщеніемъ. Въ отчетахъ тобольского и томскаго обществъ вспомоществованія студентамъ и бѣднымъ учащимся приводятся примѣры, какъ бѣствуютъ дѣти бѣдныхъ чиновницъ-вдовъ, причетницъ-дѣти городскіхъ ремесленниковъ, ищущихъ просвѣщенія (см. газета «Сибирь», №№ 23 и 24 1879 года).

камія или руды возили ихъ въ Петербургъ, отыскивая специалиста и т. д.), само собою рождалось заключеніе: вотъ бы былъ бы университетъ, не то бы было!..

Но вопросъ, столь понятный даже для простыхъ людей, не всегда былъ доступенъ для людей, считавшихъ себя авторитетными, но не раздѣлявшихъ интересовъ края. Нѣкоторые умудрились даже выставлять какіе-то политическіе мотивы препятствіемъ къ обыкновенному общечеловѣческому образованію. Такъ, одинъ изъ видныхъ администраторовъ Восточной Сибири, пріобрѣтій громкое имя въ 60-хъ годахъ, по поводу вопроса объ университѣтѣ въ Сибири, выразилъ слѣдующую парадоксальную мысль: «сибирякамъ опасно давать высшее университетское образованіе; гораздо болѣе благонадежными могутъ быть здѣсь вызванные на службу изъ Европейской Россіи чиновники». Такое странное заключеніе, не говоря уже о томъ, что оно совершиенно неумѣстно, выставляло сибиряковъ, такихъ же русскихъ подданныхъ, какою-то нраждебною народностью и вдобавокъ отличалось свѣтобоязнью.

Вотъ нѣсколько точекъ зреія, съ которыхъ этотъ вопросъ рассматривался въ мѣстной и столичной печати въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія въ Сибири обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячи верстъ для обучения въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для пріобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріального благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образования вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшыхъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ ученихъ и общественныхъ учрежденій, которые теперь надаются за недостаткомъ образованіяхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской честности.

7) Въ видахъ разработки науки по Востокѣ и открытій въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во вниманіе обширность непочтаго для науки азіатскаго материала.

8) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространенія ея въ Азіи.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ и дипломатическихъ союзій нашихъ съ соѣднimi странами Востока.

10) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ приобрѣтеній и присоединеній на Востокѣ.

11) Въ виду ожидаемыхъ реформъ въ Сибири, которая безъ этого являются немыслимыми.

Во многихъ статьяхъ, посвященныхъ этому предмету, выражались слѣдующія мысли, рисовавшія въ то же время настоятельныя нужды края:

«Число среднеучебныхъ заведеній въ Сибири—говорить г. Вагинъ¹⁾—до послѣднаго времени было очень не велико, они страдали больше или менѣе серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ оно было бы велико при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно судить также, какую огромную пользу принесло бы здѣсь обѣщанное уже съ 1825 года высшее учебное заведеніе, особенно если учрежденію его будетъ предшествовать увеличеніе числа и улучшеніе качества среднеучебныхъ заведеній. Можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь оттого, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ»... «Проповѣдніемъ Сибирь должна была доселе пользоваться только отъ лицъ заѣзжихъ, но большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи, что «Сибирь, золотое дно», что въ Сибири можно *наажиться службою* скорѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Еще Сперанскій замѣтилъ, что въ Сибирь будуть одни «титулярные сонътишки, то-есть, люди, которымъ за недостаткомъ образования бывала закрыта дальнѣйшая дорога».

Мы предоставляемъ судить,—говорить по этому поводу другой авторъ,—насколько подобный случайный вѣзжій контингентъ, часто сть не совсѣмъ безупречной репутацией и возрѣніями, могъ удовлетворять дѣствительнымъ потребностямъ края; иаконецъ, насколько онъ окажется пригоднымъ при введеніи новыхъ учрежденій въ Сибири. Признавая важное значеніе университета на Востокѣ въ связи съ введеніемъ реформъ, безъ котораго онъ не достигнуть своей цѣли, — говорить та же статья, — мы должны прийти къ тому заключенію, что этимъ учрежденіемъ должна па-

чаться самая реформа. Созданіе высшаго образования въ Сибири будетъ имѣть столь важное значеніе, что одно уже оно повліяетъ на измѣненіе всего склада сибирской жизни. Отъ университета создается цѣлая умственная атмосфера. Можно сказать, что только съ нимъ наступитъ сознательная жизнь мѣстнаго общества, а самъ край вступитъ въ новую эру исторической жизни. Тѣ же статьи, представляя неформальное положеніе общества, изъ котораго лучшия интеллигентныя силы уходятъ, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру въ родину, где они не находятъ дѣятельности,— указываютъ на недостатокъ гражданскихъ чувствъ, безкорыстныхъ стремленій и идеаловъ въ краѣ, безъ которыхъ жизнь становилась эгоистическою, сухою, черствую и грубо-животною.

Иаконецъ, по поводу будущаго значенія университета на Востокѣ, въ печати указывалась ему слѣдующая роль: «Оставляя въ стороны тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть это учрежденіе для края, мы хотимъ опредѣлить, какое оно будетъ имѣть впечатліе для цивилизаціи въ мѣромъ впечатліи въ смыслѣ просвѣщенія и изученія Азіи. Извѣстно, что материкъ Азіи остается отчужденнымъ отъ европейской жизни, европейская цивилизація имѣть весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенахъ инородцевъ, цѣлые миллионы азіатскихъ народностей населяютъ сосѣднія русскимъ азіатскія страны. Открытие этихъ народностей для европейской науки и призваніе ихъ къ жизни можетъ составить эпоху въ исторіи человѣчества. Единственное европейское населеніе, прымыкающее съ європы къ Азіи,— населеніе русское,—чрезъ него долженъ, между прочимъ, пролагаться путь просвѣщенія. Посмотрите же, какими средствами обладаетъ это русское населеніе для своей великой миссіи. Населеніе этого края неизѣкственіе многихъ глухихъ провинцій Европейской Россіи, оно не обладаетъ никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственнюю силою. Русское населеніе среди могутчей дѣственной природы часто личастъ и стоять безпомощнымъ, окруженню инородческими племенами, вмѣющими на него болѣе, чѣмъ оно на нихъ. Понятно, что отсюда является постояннное отступление отъ культуры русского населенія, понижение расы вслѣдствіе метисаціи, а также обѣниородченіе русского элемента». Приводя многочисленные примѣры этого поглощенія русскихъ инородцами, мѣстный публикъ заключаетъ: «Ежели Сибирь еще на 50-ть лѣтъ останется въ замкнутомъ состояніи и безъ образования, можно ручаться, что мы увидимъ вырожденіе и преображеніе здѣсь русскихъ въ самобоязнь, якутовъ, бурятъ и

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о гр. Сперанскомъ въ Сибири, т. II, стр. 389 и слѣд.

киргизъ... «Единственное спасение сохранить наимъ свою национальность, укрепить ее, и, усвоивъ цивилизацию, выйдрить ее къ другимъ народностямъ, это—образование. Не нужно забывать, что просветительская миссия на Востокѣ должна имѣть въ виду, кроме свѣта знанія, внесение гуманистическихъ началъ въ жизнь азиатскихъ народовъ, привитіе идей человѣчества и равноправія. Сослужа подобную службу дѣлу цивилизациіи и просвѣщенія на Востокѣ, Россія окажетъ услугу не одной себѣ, но и всему человѣчеству».

Всѣдѣ за этимъ въ печати указывались и примѣры, какъ давно уже заботятся о развитіи просвѣщенія европейскіе народы иъ своихъ колоніяхъ, дѣлались ссылки на примѣръ англійскихъ университетовъ въ Индіи, Новой Голландіи, въ Канскої колонії. Со взглядами нашихъ противниковъ просвѣщенія на окраинахъ могли быть соопоставлены разнѣ взгляды полуварварской Испаніи, когда въ прошломъ столѣтіи явилось запрещеніе училища въ Лимѣ для благородныхъ индійцевъ, когда основаніе училища въ Бурнось-Айресѣ было отвергнуто, испанскимъ колоніямъ запрещено было мечтать объ университетѣ, а епископъ Санта-Фе настаивалъ на томъ, что креолы для того, чтобы оставаться вѣроподданцами, не должны учиться ничему, кроме закона Божія.

Истощивъ массу аргументаціи, литература обѣ университетѣ испытывала крайнее напряженіе, и ея иоты начинали уже звучать грустной безнадежностью: «Довольно къ вопросу обѣ университетѣ,—говорить авторъ статьи: «Сочувствіе къ наукѣ на востокѣ»;—выражая наши желанія, мы, жители востока Имперіи, можемъ утѣшиться однимъ, что среди нашего поколѣнія есть души, которые стремятся къ просвѣщенію. Можетъ быть, наимъ не удастся дождѣться до основанія великаго образовательного учрежденія на востокѣ. Пусть глаза наши будутъ засыпаны искромъ, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвинять все поколѣніе, что оно не имѣло возвышенныхъ стремленій. Родина вспомнитъ всѣхъ, кто ратовалъ за ея просвѣщеніе и идею науки на Востокѣ, она вспомнитъ добрая ей пожеланія въ дѣнь своихъ радостей, какъ они помнятъ ее въ дни ея скорби»¹⁾.

Такою скорбью отзывались эти долгія ожиданія, и при такихъ условіяхъ идея Сибирскаго университета дожила до половины семидесятыхъ годовъ; къ ней все болѣе примыкали чувства

¹⁾ Въ Сибирской Библіографіи, составленной В. И. Межевымъ, изд. Сибирякова 1892 г., т. III, переименовано около 100 статей въ газетахъ и журналахъ, посвященныхъ Сибирскому университету (стр. 6—9). Но здесь еще перечислены не все.

мѣстныхъ писателей, образованныхъ людей и мѣстнаго общества, она становилась излюбленіемъ мечтою и являлась потому не случайно, не плодомъ одной административной фантазіи безъ всякаго отнешенія къ жизни окраинъ, какъ думалось подумать, въ первый разъ узнавшимъ о существованіи этой идеи и незнакомымъ съ жизнью края; напротивъ, вполнѣ созрѣвшая, она ждала благопріятной минуты для своего осуществленія.

Въ 1875 году появилось радостное для сибиряковъ извѣстіе въ газетахъ о томъ, что новый генерал-губернаторъ Западной Сибири И. Г. Казнаковъ, ознакомившись съ нуждами и потребностями края при вступлении въ управление, рѣшился сдѣлать Государю Императору представленіе о необходимости вышесказанного образования въ Сибири. 25 апреля 1875 г. состоялось, при назначеніи г.-ад. Казнакова, Высочайшее повелѣніе: «поднявъ уровень общаго образования, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовить изъ среды своей людей способныхъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на Высочайшее возвѣщеніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета».

Начались подготовленія, которыя состояли въ томъ, что генерал-губернаторъ предположилъ открыть новые гимназіи для усиленія средн资料 образования, какъ подготовительнаго средства для образования. Съ этой цѣлью положено было открыть гимназіи въ Омскѣ и въ Тюменіи. Но при этомъ новая администрація Сибири пришла къ убѣждѣнію, что учрежденіе новыхъ заведеній этого разряда въ числѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ края, представляется въ послѣднее время почти невозможнымъ вслѣдствіе недостатка преподавателей. Безъ мѣстнаго въ Сибири университета вновь учреждаемыя въ ней, хотя бы въ самомъ маломъ числѣ, гимназіи, подобно тобольской и томской, будутъ затруднены въ привлеченьи необходимыхъ для нихъ учебныхъ силъ, и по прежнему лучшіе воспитанники гимназій съ выѣздомъ для полученія вышесказанного образования въ Европейскую Россію, изъ большинства слушаю, будуть исчезать безслѣдно для Сибири. По прежнему вынужденные за тысячу верстъ и съ значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже на половину образованные чиновники, будутъ проживать въ Сибири, тяготясь скромнымъ положеніемъ и номиналью, послѣ трехлѣтнаго обязательнаго служенія, возвращаться обратно

на родину. Сибирь же все будетъ продолжать испытывать недостатокъ въ образованныхъ дѣятеляхъ.

Въ новомъ представлениі по поводу Сибирскаго университета неѣ эти затрудненія были предвидѣны, и потому въ немъ говорилось, что къ осуществленію Сибирскаго университета приступить явится вполнѣ своевременнымъ; въ этомъ убѣждаютъ все чаще повторяющіяся заявленія мѣстныхъ начальниковъ и генераль-губернаторовъ о крайнемъ недостаткѣ въ Сибири дѣятелей на всѣхъ поприцахъ государственной службы и въ особенности о крайней затруднительности замѣщенія вакансій медиковъ и учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о весьма ощущительномъ неудобствѣ замѣщенія всѣхъ этихъ вакансій исключительно пришлыми силами, которыя въ болѣшей части случаевъ оказываются не вполнѣ соотвѣтствующими занимаемымъ имъ мѣстамъ, и, наконецъ, о безвыходномъ положеніи родителей, вынужденныхъ для предоставлениія дѣтямъ ихъ высшаго образованія послыть ихъ въ Европейскую Россію, где они вполнѣ отчуждаются отъ семействъ и ихъ родныхъ обычаевъ. Сверхъ сего, Сибирь страна еще почти по начатая въ научномъ отношеніи; ученыя экспедиціи, отправлявшіяся туда для изслѣдованія края, успѣли разработать только весьма незначительную часть имѣющагося въ немъ научнаго материала; борясь съ затрудненіями, сопряженными съ огромными перебѣздаами, экспедиціи эти могли заниматься своимъ дѣломъ лишь урывками, извлекать научныя с每一天и только частями. Научный центръ въ самой Сибири даль бы возможность сосредоченніемъ въ немъ ученымъ силамъ изслѣдовывать край съ большимъ удобствомъ и съ необходимыми для успешности работы послѣдовательностью и постоянствомъ. Обиліе подлежащаго научному изслѣдованію материала въ Сибири доказывается уже тѣмъ, что она създавна привлекала и привлекаетъ въ послѣднєе время изслѣдователей не только изъ Европейской Россіи, но и изъ некоторыхъ странъ Западной Европы. Съ пачала прошлаго столѣтія начали посыпать Сибирь знаменитые путешественники. Въ началѣ пынѣнія столѣтія поѣхали для изученія богатствъ ея Гумбольдтъ, Розе, Эренбергъ, Ледебуръ, наконецъ, въ послѣдніе годы Миддендорфъ, Котта, Бремъ и другіе.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ,—заключаетъ представлениe,—съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества прѣезжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни суды, ни народное здоровье, ни ученое дѣло въ этомъ краѣ не обезпечено достаточнымъ числомъ сѣдущихъ, образованныхъ и предан-

ныхъ своему дѣлу лицъ. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что въ двухъ только гимназіяхъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, существующихъ въ Западной Сибири, недостаетъ въ настоящее время шести штатныхъ преподавателей по важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, древнімъ языкамъ и русскому языку съ словесностью, одного по исторіи съ географіей и двухъ по новымъ иностраннѣмъ языкамъ, и что недостатокъ врачей превышаетъ 31% штатнаго числа сихъ должностныхъ лицъ при разныхъ учрежденіяхъ этого края, а именно врачи положено штатами 122, недостаетъ же 39 человѣкъ. Независимо отъ сего, Сибирь и вѣтъ службового поприща не менѣе, если не болѣе, нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ производительныя средства, связанные съ естественными богатствами, остаются мало изслѣдованными. Примѣры такого явленія очевидны; не имѣя университета, Сибирь изъ своихъ уроженцевъ не могла посвятить ни одного вполнѣ образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ пей постоянно повторяется слѣдующее неутѣшительное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники, окончивши курсъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и поступивши въ университеты имперіи, по приобрѣтеніи тамъ высшаго образованія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, но несравнѣнно въ преимуществахъ службы уроженцами не-сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо невѣдомыми дотолѣ удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденія въ пей среднеобразовательныя заведенія, вместо того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служить какъ бы средоточіемъ для отлеченія изъ нея сѣдущихъ жителей, умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, взамѣнъ ихъ, нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства денежныхъ затратъ, искатели счастія, не успѣвшіе въ пей пристроиться по недостатку с每一天и, а иногда и сомнительной нравственности, въ болѣнистѣхъ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію. Со временемъ первого заявленія мысли объ учрежденіи университета,—говорить представлениe,—народонаселеніе въ Сибири возрасло до 5.000.000, открытыхъ въ пей четырехъ гимназій вѣдомства министерства народного просвѣщенія

оказывается недостаточно для удовлетворения потребности края, а учреждение новыхъ среднеобразовательныхъ заведений встрѣчаетъ затрудненіе по недостатку подготовленныхъ преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, и удовлетворить этой нуждѣ не могутъ вышестоящіе учебныя заведенія имперіи, куда учащіеся должны слѣдовать за четыре-пять, а иногда и болѣе тысячи верстъ; словомъ, представляется нынѣ настоятельная необходимость возвысить уровень образования въ Сибири, дать мѣстнымъ ея уроженцамъ средства развивать и берегать свои умственныя силы на пользу самой Сибири, что можетъ быть достигнуто только учрежденіемъ университета въ этомъ краѣ.

Затѣмъ были выражены слѣдующія предположенія: а) Университетъ полезно бы было учредить изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинскаго. б) Число каѳедръ по каждому факультету можно было бы, на первое время, ограничить наиболѣе необходимыми и основными, съ тѣмъ, чтобы, со временемъ, по мѣрѣ приисканія достойныхъ профессоровъ и увеличенія числа студентовъ, число ихъ постепенно пополнялось до нормы, положенной общимъ уставомъ университета. в) Сообразно ограничению числа каѳедръ предполагалось уменьшить число преподавателей, а слѣдовательно и сумму падающихъ на государственное казначейство расходовъ, произведя также возможныя сокращенія издержекъ и по иѣкоторымъ другимъ статьямъ, определеннымъ дѣйствующими штатами университета. г) За необходимыми изыятіями, проектируемый университетъ подчинить дѣйствію общаго устава университетовъ въ имперіи.

Вообще по составленному въ Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительныя сокращенія расходовъ сравнительно со штатами 1863 года. Сумма, необходимая для содержанія университета въ Сибири, исчислена первоначально въ проектѣ рѣ 212.220 руб. Сумма эта, по мнѣнію генераль-губернатора Западной Сибири, можетъ быть еще сокращена на 6.000 р., отпускаемыхъ нынѣ на 20 сибирскихъ стипендіатовъ въ университетахъ по мѣрѣ окончанія курса или вообще выбытія этихъ стипендіатовъ.

Кромѣ того, въ виду экономической и финансовой стороны для обращеніе было вниманіе на слишкомъ крупныя издержки, которыхъ въ настоящее время несетъ государство вслѣдствіе преимуществъ, предоставленныхъ прѣѣжающимъ изъ Европейской Россіи на службу въ Сибирь. Собранія по этому предмету съ

дѣлѣ показываютъ, что въ одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалованье ассигновано къ расходу въ 1875 году 67.032 руб. 81 $\frac{1}{2}$ коп., и что въ 1874 году выдано пособій (окладовъ годового жалованья) вновь определеннымъ на службу въ этотъ край 12.804 руб. 80 коп. По полученнымъ же отъ генераль-губернатора Восточной Сибири свѣдѣніямъ назначено въ этой части Сибири на 1875 годъ, на прибавочное жалованье за сибирскую службу, 65.430 руб. 86 коп., а на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья вновь определеннымъ на службу въ Восточную Сибирь чиновникамъ употреблено въ 1874 году 21.687 руб. 73 коп. Такимъ образомъ, въ совокупности, издержки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167.000 руб. въ годъ. Необходимо допустить, что, съ учрежденіемъ Сибирского университета и по мѣрѣ приготовленія въ немъ дѣятелей изъ уроженцевъ Сибири, потребность въ пришломъ элементѣ служащихъ постепенно падала бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и расходъ на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма, необходимая на постройку университета, въ представлении сибирского начальства была исчислена въ 500.000 рублей; причемъ первоначально университетъ долженъ быть безъ клиникъ съ замѣною ихъ мѣстными госпиталями. Сумма эта была слишкомъ ничтожна даже по мѣстнымъ средствамъ, принимая во внимание, что въ то же время на постройку флагштейнъ сибирской воинской гимназіи было ассигновано 425.000 рублей¹⁾. Сверхъ того, было указано, что часть необходимыхъ для постройки денегъ находится уже въ пожертвованіи Денидова, и капиталъ отъ достигаетъ 151.000 рублей; затѣмъ въ этотъ предметъ можетъ быть еще обращено пожертвованіе г. Цибульского въ 100.000 руб., а слѣдовательно, въ 1875 году отъ казны понадобилось бы не болѣе 350.000 рублей. Наконецъ, изъ изысканій средствъ къ сокращенію издержекъ казны на этотъ предметъ генераль-губернаторъ Казнаковъ указывалъ на可能ую производимую для казны 200.000 р. при введеніи вольныхъ почтъ. Хотя соображенія относительно вольныхъ почтъ не оправдались²⁾, но они служили свидѣтельствомъ

¹⁾ Постройка другихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, Харьковскаго технологическаго института обошлась въ 2.000.000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штиглицъ на сооруженіе рисовальной школы пожертвовалъ 1.000.000 р. Казалось, для Сибирского университета на постройку скорѣе необходимо было бы 500.000 р. казенныхъ привлѣчь къ частнымъ пожертвованіямъ.

²⁾ Вольные почты въ рукахъ мононолистовъ были бы только бременемъ для Западной Сибири, какъ, показало обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса.

дѣтельствомъ всей напряженности въ изысканіи средствъ къ облегчению казны въ этомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, требованія по расходамъ на создание Сибирскаго университета были доведены, какъ указываютъ документы, до послѣдняго минимума. Относительно предоставления правъ и преимуществъ для привлечения профессоровъ и доцентовъ въ новый университетъ не испрашивалось ничего, какъ только тѣ преимущества, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири; затѣмъ предполагалось открытие на первое время лишь самыхъ необходимыхъ каѳедръ. Сумма на личный составъ должна была по сметѣ не превышать 212.220 рублей. Основаніе отдѣленій *восточныхъ языковъ*, столь необходимаго для Сибири, отлагалось на неопределѣнное время.

Предположенія и требованія эти были до того умалены, ограничены, и составъ университета могъ явиться столь цепоннымъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ своихъ замѣчаніяхъ, сочло нужнымъ указать, что, при недостаточныхъ штатахъ, едва ли можно разсчитывать на привлеченіе достойныхъ профессоровъ и доцентовъ, безъ чего самый университетъ не станетъ на подобающую высоту, почему необходимо, для привлеченія профессоровъ и доцентовъ, увеличить оклады на полтора раза болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Министерство нашло нужнымъ на постройку университета увеличить расходъ до 600.000 руб., а на личный составъ и на учебныя принадлежности просить 307.820 рублей¹⁾. Министръ финансовъ, съ своей стороны, не встрѣтилъ препятствій къ внесенію въ смету министерства народнаго просвѣщенія 1878 и 1879 г. потребныхъ на постройку университета суммъ, но съ тѣмъ, чтобы въ число ихъ были зачтаемы не только суммы, уже пожертвованныя на Сибирскій университетъ, но и тѣ, которыя, въ виду окончательнаго решенія вопроса объ учрежденіи университета, вновь поступить могутъ. По мѣнію министра народнаго просвѣщенія, предполагалось открытие Сибирскаго университета съ 1 июля 1879 года въ составѣ 4 факультетовъ. Окончить постройку университета предполагалось къ 1880 году. Мѣстомъ основанія университета по первоначальному проекту былъ избранъ Омскъ. Въ такомъ видѣ, согласно Высочайшему повелѣ-

¹⁾ По штатамъ 1863 года, съ присоединеніемъ другихъ сверхштатныхъ суммъ, другіе университеты получаютъ:

С.-Петербургскій	375.586 руб.
Московскій	406.950 ,
Харьковскій	357.973 ,
Казанскій	376.72 ,
Киевскій	373.160 ,

шю 24 апрѣля 1876 г., вопросъ о Сибирскомъ университѣтѣ внесенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія, а послѣднимъ въ Государственный Совѣтъ.

Проектъ Сибирскаго университета при такихъ условіяхъ не встрѣчалъ, повидимому, особыхъ препятствій къ своему осуществлѣнію. Можно было ожидать, что открытие университета, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, осуществляется, и надежды Сибири соудутся; но и на этотъ разъ ожиданіемъ Сибирскаго края суждено было исполниться не столь скоро, какъ ожидалось. Славянское движение и война съ Турцией, какъ и финансовый обстоятельства Россіи еще разъ отодвинули этотъ вопросъ, почти решенный, на второй планъ и простояли практическое осуществленіе начатаго дѣла. Самый проектъ учрежденія университета, къ сожалѣнію, далеко не привлекъ должнаго вниманія столичной печати и общества, и не вызвалъ всесторошнаго обсужденія, можетъ быть, благодаря тому, что самъ проектъ не былъ опубликованъ. Одинъ только пунктъ этого проекта вызвалъ внимание общества и печати, напомнивъ, что проектъ этотъ разматривается. Пунктъ этотъ касался избрания города для Сибирскаго университета и, играя, повидимому, второстепенную роль, получить тѣмъ не менѣе первостепенное значеніе для края. При этомъ нужно имѣть въ виду обстоятельства, которыми избрание мѣста для университета сопровождалось.

Когда-то, по мысли жертвователя Демидова, предполагался мѣстомъ для основанія университета Тобольскъ, но городъ этотъ давно потерялъ свое значеніе центра и метрополіи Сибири. Въ 60-хъ годахъ предполагалось основаніе университета въ Иркутскѣ, какъ пунктѣ, получившемъ особенное развитіе въ краѣ, но вслѣдствія не разъ высказывались преимущества Томска, какъ центральнаго пункта для обѣихъ частей Сибири. При поднятіи вопроса объ университѣтѣ въ 1875 г., большинство полагало, что выборъ падетъ на Томскъ, какъ на самый видный городъ Западной Сибири, обладающей всеми необходимыми для университетскаго города условіями. Таково же было ожиданіе жертвователя, давшаго въ числѣ первыхъ 100.000 рублей на основаніе Томскаго университета. Но административныя соображенія заставили проектъ высказаться за Омскъ, городъ, находящійся на окраинѣ, а не въ центрѣ Сибири. Несмотря на все аргументы въ пользу Омска, какъ города будущаго, и его административныхъ преимущества, мысль избрания его резиденціей университета, противорѣчащая вообще интересамъ Сибирскаго края и общества, явилась вдобавокъ неожиданностью для сибиряковъ и, понятно, вызвала

самые горячие протесты. Омскъ представляет въ Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничий городъ, имѣвши когда-то военное и административное значение при захвате киргизской степи; но и это значение съ покоренiemъ степей въ значительной степени утратилось. Находясь въ сторонѣ отъ главного сибирского тракта и центра населенія, онъ угрожалъ сдѣлать университетъ пустымъ. Наконецъ, городъ Омскъ переполнился исключительно элементомъ пажскимъ, временнымъ и никакой связи съ страною не имѣющимъ; для самихъ прѣѣжающихъ онъ играть роль только временной станціи¹⁾. Вотъ почему общественное мнѣніе Сибири весьма рѣшительно выступило противъ Омска, а мѣстная и столичная печать рѣшительно отдавали преимущество городу Томску.

Исторія этой борьбы и соперничества городовъ за университетъ составляетъ яркий эпизодъ и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирская городская община по этому поводу составляли многочисленные адресы и представленія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, томскій городской голова: «Послѣднія петербургскія газеты и телеграфъ принесли въ Томскъ давно ожидаемую съ четырьмя вѣтами о близкомъ окончательномъ рѣшеніи вопроса относительно дарования Сибири первого университета. Такое важное, можно сказать, историческое событие для Сибири побудило несколькихъ гласныхъ, какъ представителей всѣхъ слоевъ общества, обратиться ко мнѣ съ заявлениемъ, назначить въ одно изъ засѣданій думы вопросъ обѣ обсужденій обстоятельствъ, относящихся къ этому дѣлу. Разрѣшаша учрежденіе въ Сибири университета, правительство, въ благомъ интересѣ о нуждахъ края, имѣло несомнѣнно цѣлью предоставить жителямъ Сибири дать дѣятельность своимъ высшемъ образованіемъ безъ излишнихъ затратъ, неизбѣжно сопряженыхъ съ отправкою для обученія въ университетскіе города Европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли, мѣстопребываніе университета, конечно, должно быть избрано въ томъ изъ городовъ, который не только находился бы въ центрѣ Сибири по своему географическому положенію, но въ то же время былъ бы въ тѣсной связи со всѣми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Такимъ центральнымъ пунктомъ является городъ Томскъ».

Разобрать всѣ аргументы за Томскъ и Омскъ, а также ука-

¹⁾ Изъ вышеупомянутыхъ и разсмотрѣнныхъ доводовъ и числовыхъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ въ особой комиссіи при Государственномъ Совѣтѣ, оказалось что Омскъ не обладаетъ ни однѣмъ изъ преимуществъ для университетскаго города по сравненію его съ Томскомъ.

зать значение этихъ городовъ вообще для края, представитель томскаго городскаго сословія говорить въ заключеніе: «Всѣ эти доводы и факты приводятъ, съ одной стороны, къ несомнѣнному убѣжденію, что учрежденіе университета въ городѣ Томскѣ было бы далеко полезнѣе для обѣихъ частей Сибири и указываетъ съ другой стороны, что университетъ г. Омска рискуетъ остаться новое бѣть слушателей и быть закрытымъ или переведеннымъ въ тотъ же Томскъ. Но газеты сообщаютъ за положительное, что университетъ учреждается въ Омскѣ. По предложению генераль-губернатора Западной Сибири, послѣдовавшему въ декабрѣ мѣсяца 1875 года, объ уступкѣ въ городѣ Томскѣ мѣста подъ университетъ, граждане этого города, съ глубокою признателѣстю и готовностью, въ 19 день января, единогласнымъ рѣшеніемъ думы, сдѣлали уступку 35.000 квадр. сажень лучшаго мѣста подъ университетъ, и въ тотъ же день гражданинъ города Томска Цибульский пожертвовалъ 100.000 рублей на устройство предполагаемаго въ городѣ Томскѣ университета. Если бы даже отведенное мѣсто, по какимъ-либо причинамъ, было признано неудобнымъ, то граждане Томска, въ виду того громаднаго значенія, какое имѣть университетъ для Сибири, не затрудняются отвести другое мѣсто, которое будетъ избрано, лишь бы только учреждаемый университетъ, по своему мѣсторожденію, удовлетворялъ удобствамъ жителей всей Россіи; причемъ можно надѣяться, что въ такомъ случаѣ мѣстное купечество не затруднится на пожертвованія, и примѣръ г. Цибульского найдеть многихъ подражателей? Изѣстіе о предполагаемомъ открытии въ городѣ Томскѣ университета было встрѣчено сочувственно всѣми жителями Восточной Сибири, какъ это было видно изъ личныхъ заявленій и отзывовъ въ газетахъ. Зная убѣжденіе всѣхъ сибиряковъ, что г. Томскъ есть центральный городъ Сибири, граждане города Томска не сомнѣвались, что университетъ будетъ учрежденъ здѣсь, и потому не принимали никакихъ ходатайствъ и имѣ до сихъ поръ неизгѣстныя причины неремѣнныя первоначальнаго взгляда правительства, если таковая действительно состоялась, какъ видно изъ газетъ. Если принять за основаніе учрежденія университета въ Омскѣ большую возможность надзора за учащимися высшаго центральнаго управления, находящагося въ томъ городѣ, то граждане города Томска полагаютъ, что было бы удобнѣе перевести высшую учебную администрацию въ городъ Томскъ, чѣмъ рисковать университету остаться безъ студентовъ».

Точно также характеристиченъ и другой документъ, адресованій министру народнаго просвѣщенія отъ имени жертвовавшаго

теля на Сибирской университет, Захара Михайловича Цибульского:

«Ни въ одной части Россіи общество не прочувствовало такъ глубоко недостатокъ высшаго образованія, какъ въ отдаленій отъ умственныхъ центровъ Сибири. Поэтому извѣстіе о намѣреніи правительства учредить въ Томскѣ университетъ было встрѣчено сибиряками съ невыразимымъ восторгомъ. Наши начинанія, касались-ли они науки и воспитанія, городскаго хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вслѣдствіе недостатка знанія; мы желаемъ изслѣдовать Сибирь для себя, а между тѣмъ къ памъ приѣжаютъ Нордешельды, Бремы, представители чужихъ интересовъ. Мы жертвуемъ деньги на пріюты, городскія и сельскія школы, по заведенію эти не приносятъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы, по неимѣнію хорошихъ преподавателей. Намъ должно заботиться о городскомъ благоустройствѣ, ассенизациіи нашихъ жилищъ и улицъ, но гдѣ взять исполнителей? Непечернаемыя естественные богатства Сибири лежатъ нетронутыми, ожидая умѣлыхъ рукъ для ихъ разработки. Приведенныя и другія подобныя задачи не вымыслинныя, а дѣйствительныя и насущныя, — разрываются въ благопріятномъ смыслѣ, когда въ Сибири будетъ разсадникъ высшаго образованія. Вотъ почему вѣсть обѣ университетъ была истрѣчена единодушнѣмъ сочувствіемъ, которому въ особенности содѣствовало удаленное избрание Томска университетскимъ городомъ... «Не буду повторять доводы за Томскъ, — говорить жертвователь, — изложенные въ представленіи ходатайствѣ томской городской думы. Взгляды томской думы раздѣляютъ другія города Сибири, изъ которыхъ некоторые присоединились къ ходатайству за Томскъ. Услышавъ о намѣреніи избрать Омскъ университетскимъ городомъ, еписѣская дума, по постановленію 15 июня 1877 года, ходатайствовала чрезъ мѣстнаго губернатора и посыпала телеграмму вашему сіятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сдѣлала верхнеудинская дума, по постановленію своему 12 июля. Красноярскій городской голова, въ письмѣ отъ 5 июля за № 1169, выражалъ томскому головѣ, что его общество сочувствуетъ устройству университета въ Томскѣ, но что, къ сожалѣнію, время для ходатайства о томъ, по мнѣнію этого общества, упущеніо. Барнаульскій городовой староста писалъ въ іюль мѣсяцъ, что тамошнее общество, безусловно, раздѣляетъ возвѣщеніе томской думы, но оно не можетъ офиціально высказаться, потому что тамъ не приведено городовое положеніе. Это ясно доказываетъ, что сочувствіе къ Томску не вытекаетъ изъ эгоистической заботы однихъ

лишь его гражданъ о выгодахъ своего города; такое узкое воззрѣніе не заслуживало бы поощренія. Пусть откроются въ Сибири два университета на университетѣ въ Омскѣ и на университетѣ въ Томскѣ, тогда увидятъ пагляднымъ образомъ, что первому никто не сочувствуетъ, па второй же поспѣнныя приношенія деньгами учрежденіемъ стипендій и т. п. потекутъ широкой рѣкой. Ошибаться въ выборѣ пункта для университета — значило бы дискредитировать вѣдь самую идею высшаго образования, отдалить ожидаемые для Сибири отъ университета благіе результаты, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе.

Такимъ образомъ, въ Томскѣ сосредоточивались сочувствующія ему заявленія со всѣхъ городовъ Сибири. Иркутская дума сдѣлала въ полномъ собраніи открытое заявленіе и представила министру народнаго просвѣщенія слѣдующій адресъ: «Учрежденіе университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, призиано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ уверенностью сказать, что въ немъ и зародилась, и долгое время зрила мысль обѣ университетъ. Но когда эта мысль вполнѣ созрѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету? — городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной Восточной, но и всей Сибири, уступиль свое право Томску. Никто изъ Восточной Сибири не возражалъ противъ преимуществъ географическаго положенія Томска. Не то произошло, когда пропала вѣсть, что мѣстомъ основанія Сибирскаго университета предполагается Омскъ. Если намъ придется посыпать своихъ дѣтей за три тысячи верстъ, то цѣ лучше-ли, по-прежнему, отправлять ихъ въ Казань или въ столицу, гдѣ болѣе и образовательныхъ средствъ, и самая жизнь удобнѣе и поучительнѣе. Таково общее мнѣніе Восточной Сибири. Иркутская городская дума, вслѣдствіе спонсіи томской думы, уполномочила меня почтительнѣе заявить вашему сіятельству, что основаніемъ университета въ Омскѣ только въ половину будетъ исполнено желаніе Сибири, жаждущей высшаго образования; что университетъ въ Омскѣ далеко не будетъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, находясь въ центрѣ и на великомъ пути отъ Атлантическаго къ Тихому океану, и что, иакоице, если Иркутскъ охотно уступилъ Томску великое право имѣть въ своихъ стѣнахъ разсадникъ высшаго образования, то уступить это право отдаленному и малоизвестному Омску для него больно и прискорбно. Исполненія порученіе иркутской городской думы, имѣю

честь заявить вашему сиятельству о желаніи моихъ согражданъ, чтобы дѣло о дарованиі університета Сибири завершено было въ духѣ общихъ желаній сибиряковъ, которые питаютъ надежду, что въ дѣлѣ такой важности голосъ ихъ будеть выслушанъ и ихъ соображенія приняты во вниманіе при указанії мѣста, гдѣ быть Сибирскому університету.—Заступающій мѣсто иркутскаго городскаго головы Николай Лаврецтьевъ».

Значительная часть городовъ Сибири и обществъ сгруппировались такимъ образомъ около Томска, города Восточной Сибири, вѣсъ высказались за него; изъ городовъ Западной Сибири только Тобольскъ и Тюмень заявили иѣкоторый партикуляризмъ. Тобольскъ, по традиціи, рѣшился самъ заявить себя въ кандидаты, а Тюмень высказался за Омскъ, какъ ближайшій къ нему городъ. Комиссія, учрежденная для разсмотрѣнія вопроса о выборѣ города для університета, взвѣсила всѣ аргументы, высказанные за тотъ и другой городъ, оцѣнила ихъ вполнѣ беспристрастно и отдала предпочтеніе центральному пункту Сибири—Томску.

Всѣдѣ за результатами сужденій комиссіи и окончательнымъ решеніемъ вопроса Государственнымъ Совѣтомъ въ пользу Томска¹⁾ мѣстныя симпатіи общества къ Сибирскому університету выражались новыми пожертвованіями. Томское общество внесло 25.000 руб. на клиники и 5.000 руб. на покупку книгъ для библіотеки. На приглашеніе генераль-губернатора Западной Сибири, А. М. Сибирякова пожертвовалъ 100.000 руб. на устройство кабинетовъ, онъ же внесъ на покупку библіотеки 10.000 рублей. Изъ другихъ жертвователей Трапезниковъ внесъ 10.000 рублей, Пермикинъ, 1.000 рублей, Богдановичъ ассигновалъ сумму на стипендію; наконецъ, иѣсколько лицъ заявили желаніе пожертвовать библіотеки, вмѣстѣ съ тѣмъ начали стекаться приношенія для музеевъ. Вопросъ такимъ образомъ снова пріобрѣлъ прежнія симпатіи и сочувствіе сибирского общества. Нельзя было упрекнуть въ этомъ случаѣ сибирское общество въ равнодушіи. Вѣсть объ утвержденіи університета въ Томскѣ пришла сибирскимъ обществомъ съ живою радостью и восторгомъ. «Да будетъ эта радостная вѣсть для Сибири дѣйствительной радостью», писала одна мѣстная газета. При всикомъ благопріятномъ извѣстіи объ університетѣ телеграфныя депеши въ Томскѣ печатались золотымъ прифтомъ, выставлялись въ лавкахъ и расходились по рукамъ. Частныя пожертвованія

¹⁾ 1-го мая 1878 года вопросъ о Сибирскомъ університетѣ окончательно решенъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ пользу Томска и состоялось затѣмъ Высочайшее повелѣніе.

производились безъ всякаго вынужденія, добровольно и съ сознаніемъ важности дѣла.

Финансовая сторона університетскаго вопроса между тѣмъ находится, какъ извѣстно изъ опубликованныхъ данныхъ, въ слѣдующемъ положеніи:

Демидовскій капиталъ составляетъ пять	150.000 руб. съ проц. ²⁾ .
Пожертвование коммерции советника Цибульскаго	100.000 >
Пожертвование А. М. Сибирякова	100.000 >
Изъ же пожертвованія на библіотеку	10.000 >
Томскимъ обществомъ на устройство клиникъ пожертвовано	25.000 >
Томскими жителями на покупку книгъ для университета	5.000 >
Трапезниковымъ пожертвовано	10.000 >
Пермикинъ	1.000 >
Красноярскимъ почетнымъ гражданиномъ Кузнецовымъ	500 >

Пожертвованія эти, не считая стипендій, какъ Богдановича и томскаго общества, а также жертвованныхъ библіотекъ, простираются одинъми деньгами болѣе 400.000 р.

Какъ бы въ отвѣтъ, однако, на выраженія опасенія и высказываемыя затрудненія, жертвователь на університетъ З. М. Цибульскій внесъ въ 1879 году вновь 40.000 р., для осуществленія скорѣйшей закладки університета. Эта новая жертва прибавила частный капиталъ³⁾. Правда, иѣкоторые находятъ, что предполагаемая сумма по счѣтѣ 500.000 р. на востройку клиникъ ограничена даже для Сибири, принимаю во вниманіе постройку клиникъ, кабинетовъ, музеевъ и т. д., но на это отвѣчаютъ: «Пусть будутъ заложены первые камни на університетъ, въ крайнемъ случаѣ у Сибири найдутся средства окончить дѣло,—этому ручательство уже существующія пожертвованія. Пусть університетъ нашъ не будетъ отличаться пынностью,—говорить мѣстные патріоты,—пусть это учрежденіе будетъ на первое время скромнымъ и не богатымъ, какъ домъ шонпера-колописта. Высшее учебное заведеніе должно блестѣть не вѣнчиюю, — пусть оно блестѣаетъ яркимъ лучомъ знанія и истины».

²⁾ Демидовскій капиталъ, какъ извѣстно, въ 1803 году состоялъ изъ 50.000 р. ассигнациями, съ процентами онъ долженъ былъ составить гораздо болѣе 150.000 руб. сер., но, по какой-то случайности, онъ, какъ говорятъ, иѣсколько лѣтъ находился безъ всякаго приращенія.

³⁾ Извѣстіе профессора Флоринскаго при закладкѣ університета въ 1880 г. видно, что въ этомъ времени частная пожертвованія достигали 354.000 р., па учебныхъ пособіяхъ 100.000 р., на стипендіи 31.000 р., всего 485.000 р. и кромѣ того скопилось 35.000 томовъ пожертвованныхъ и купленныхъ книгъ.

Какъ видимъ, университетскій вопросъ въ Сибири пережилъ много перипетій, черезчуръ долго ждалъ своей очереди и какъ бы ни было неразвито и незрѣло сибирское населеніе, едва-ли на немъ однозначно лежитъ за это отвѣтственность. Причина, почему университетскій вопросъ въ Сибири, выступая не разъ, не могъ получить надлежащаго направления и разрѣшеній, заключалась не въ томъ, что вопросъ этотъ являлся преждевременнымъ и недостаточно выясненнымъ, но въ томъ, что на него не было обращено достаточно вниманія, и что стремленіе сибиряковъ и ожиданіе ими реформъ не всегда совпадали съ ходомъ и настроениемъ общественной жизни въ Европейской Россіи. Это объясняется отдаленностью сибирскихъ провинцій, где жизнь иѣсколько отстаетъ, а требованія ея опаздываютъ. Положеніе окраинъ между тѣмъ иѣсколько не улучшилось, и нужды просвѣщенія давали себя по-прежнему чувствовать.

Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ изъ офиціальныхъ отчетовъ Сибири за 1878 годъ. «Народное образование въ Западной Сибири далеко не находится на падающемъ уровнѣ. Стремление къ образованію проявляется во всѣхъ слояхъ общества, но желающіе учиться поставлены въ весьма неблагопріятныя условія, по недостаточному числу учебныхъ заведеній. Большинство населения, особенно женщины, до сихъ поръ еще остаются безграмотными. Въ развитіи общественной жизни ясно сказывается недостаточность мѣстныхъ средствъ высшаго образования. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу въ Сибирь образованныхъ лицъ, предоставляемъ имъ разныя льготы, но эти усилия не достигаютъ цѣли. Если въ Сибирь и попадаютъ вполнѣ достойныя лица, то они скоро до такой степени начинаютъ тяготиться суровыми, пепривычными для нихъ условіями ея быта и отдаленностью отъ центра имперіи, что при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ Сибирь. Даже уроженцы ея, болѣе способные изъ учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, уѣзжая для своего образования въ Европейскую Россію, свыкаются тамъ съ лучшему обстановкою жизни и рѣдко возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого населеніе остается безъ врачей; сельская и городская училища нуждаются въ учителяхъ; судебныя мѣста — въ лицахъ, имѣющихъ юридическое образование».

Нѣкоторые находили, что университетъ для Сибири преждевремененъ, потому что она еще мало населена, что ей недостаетъ гимназий; другие же относились къ вопросу совершенно равнодушно, такъ какъ были въ Сибири людьми временными, забѣжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились

узнать объ его нуждахъ. Во всѣхъ этихъ мѣсяціяхъ сквозила та грустная черта нашего характера, которая дѣлаетъ наше не-простительно певѣжественными въ разрѣшеніи нашихъ народныхъ и внутреннихъ вопросовъ. Изрѣкая свои притворы, мы не заботились узнать национальную окраину, и въ провинціяхъ, связанныхъ тѣсными узами съ остальной Россіею, не хотѣли признать право на человѣческое развитіе и образованіе, доступное каждому человѣческому обществу. Кромѣ консервативныхъ и реакціонныхъ аргументовъ, слышались нерѣдко мысли о равновременности университета для Сибири и иѣ другого, болѣе либеральшаго лагеря. Такъ, однозначно изъ серьезныхъ и вслуживающихъ импіаніе выставляется тотъ доводъ, что, при малочисленности слушателей, университетъ для Сибири будетъ слишкомъ дорогой роскошью, что средства, предполагаемыя на него, лучше употребить на стипендіи въ другихъ университетахъ или на народное образованіе, на которомъ масса населенія болѣе нуждается. Опять Россіи доказывалось, говорили по этому поводу, что одно высшее образованіе не составляетъ полнаго развитія страны, что университетская наука часто даетъ одностороннее развитіе, и университеты воспитывали «баричей»; въ Сибири университетъ также будетъ достоинъ богатыхъ классовъ, а не народа. Самыя учрежденія приносятъ пользу только при подготовкѣ народа, доказательствомъ чего приводили неудачи земскаго сельскаго самоуправлія, за недостаткомъ народа развитія и воспитанія. Преувеличенія на дежды сибиряковъ на университетъ поэтому люди такого сорта старались охладить. Напротивъ, какъ молодой колоніи и юному обществу, начинающему свое развитіе, ей предлагали сдѣлать онѣмѣніе развитія на иныхъ началахъ. Ей предлагали всѣ средства и силы направить на первоначальныя школы, предпочтя ихъ всѣмъ реформамъ: земской, судебнѣй и самому университету; подобно Американскимъ Штатамъ, ей соѣднили широко раскинуть сѣть первоначальнаго народа воспитанія, а потомъ на этомъ фундаментѣ устраивать дальнѣйшую судьбу свою и строить другія учрежденія.

Какъ ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, но они не могли перемѣнить сложившагося убѣжденія и не всегда выдерживали критику. Мѣстные жители, правда, воизглагали черезчуръ большиі надежды на университетъ и выставляли его именемъ реформъ, но нельзѧ сказать, чтобы образованные сибиряки упускали изъ виду и другія реформы. Напротивъ, они смотрѣли на университетъ, какъ на могучій рычагъ, который даетъ средства создать и другія учрежденія. Сравненіе отдаленой Сибири

съ Америкой и рекомендация слѣдовать ей въ дѣлѣ подготовительного народнаго воспитанія какъ ни были лестны для мѣстнаго патріотическаго чувства, по они слишкомъ расходились съ грустной дѣйствительностью и положеніемъ края, чтобы быть принятими.

Трудно, конечно, сказать что-либо противъ первоначального народнаго образования Сибири, на важность котораго указываютъ многіе онекуны, но оно не устраиваетъ вопроса средняго образованія и вопроса университетскаго. Наиболѣе, именно при развитіи послѣдніхъ оно должно будетъ сосредоточить особое вниманіе общества, въ виду особенностей сибирской жизни. Просвѣщеніе массы и рабочаго населения совершается обыкновенно посредственno и непосредственno. Около цивилизованныхъ центровъ и вблизи большихъ городовъ просвѣщеніе проникаетъ въ сельскую массу всѣми путями. Въ странѣ изолированной и отдаленной, какъ Сибирь, гдѣ нѣть большихъ просвѣщенныхъ центровъ, не имѣется этихъ условій. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населенію въ Сибири, правда, замѣчается въ крестьянинѣ и простолюдинѣ несравненно большая развитость и сметливость, но оно мало грамотно¹⁾. Культурныя привычки хотя и быстро принимаются, но рѣдко проиникаютъ. Правы населенія грубы. Поэтому знаніе здѣсь болѣе, чѣмъ необходимо, ибо борьба съ природой выступаетъ здѣсь сильнѣе: благодаря удаленности жизни въ лѣсахъ и промысламъ, одичаніе совершается быстро. Мѣстнаго населения, притомъ, находятся въ соприкосновеніи съ инородческими племенами, которыхъ, невольно вліяя, понижаютъ расу и заставляютъ еще ниже отступать низъжественнаго человѣка. Кроме того, она живетъ подъ вліяніемъ деморализующаго ссылочнаго элемента. Всѣдѣстіе того, здѣсь происходитъ усиленіе разращенія и разнудзданіе природы,ничѣмъ не уравновѣннѣе и не смягчаемое. Распространеніе же народнаго образования должно имѣть, но всѣмъ вѣроятіямъ, значеніе гуманизирующее.

Разбирая вопросъ о нуждахъ народнаго образования въ Сибири, приводилась мысль о томъ, что необходимо позаботиться, чтобы самое знаніе не стало достояніемъ одного класса общества; чтобы самый университетъ не сдѣлался орудіемъ, которымъ воспользуются одинъ люди, ставящіе своей задачей эксплуатировать трудъ, иначе — чтобы онъ не послужилъ для одиѣхъ про-

¹⁾ Въ Европейской Россіи, въ прибалтийскихъ губерніяхъ, съ воинскими учрежденіями 1—на 168, въ губерніяхъ безъ воинства 1—на 471, въ Сибири же 1—на 664 человѣка.

мыщеныхъ цѣлей монополистовъ и богатаго торгового класса. Безъ сомнѣнія, плохой бы былъ выигрышъ, еслибы изъ грубыхъ кабалителей образовались въ странѣ только болѣе утонченные. При односторонности развитія мѣстнаго общества этого можно опасаться. Вотъ почему необходимо желать, чтобы распространеніе народнаго обучения и образования дало ту же возможность знанія и для трудающагося населения. Оно явится полезнымъ дополненіемъ и помощью самому университету.

Если въ Европейской Россіи можно еще мечтать — и только мечтать — объ одномъ культурномъ классѣ изъ землевладѣльцевъ, то въ Сибири, по историческимъ условіямъ, по составу населенія, по условіямъ земледѣльческаго хозяйства, даже и мечтать обѣ этомъ невозможно. Здѣсь образованіе должно составить силу и средства народной жизни, непосредственно раздѣляемое всѣмъ населеніемъ.

Только при широкомъ развитіи населеніе найдетъ средства помочь себѣ.

Ожидая университетъ въ 1880 г., мы высказали слѣдующія слова. Не забывая девиза, что отъ просвѣщенія и привитія знанія на Востокѣ зависить наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора намъ обратить вниманіе на нашъ Востокъ, иора сдѣлать что-нибудь и для него. Обширный Сибирскій край, съ его разнообразными пуждами, требуетъ разрѣшенія въ немъ многихъ существенныхъ вопросовъ, касающихся не только его одного исключительно, но и цѣлаго русскаго общества. Край богатый и разнообразный, пролежавшій вѣка безъ пользы, требуетъ, паконецъ, разработки. Незобѣжное соединеніе желѣзною дорогою дальн资料 Востока съ центромъ Россіи, т.-е. Азіи съ Европой, должно вызвать въ краѣ предпримчивость; необходимо, чтобы на помощь ей пришла наука и знанія, иначе предпримчивость будетъ направлена не туда, куда слѣдуетъ, а задохнется подъ давленіемъ низъжества. Въ жизни края выступаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: колонизаціонный, торговый и промышленный, вопросъ о прекращеніи ссылки, объ уничтоженіи кабалы инородца и эманципаціи азіатскаго раба наряду съ освобожденіемъ другихъ работъ. Масса и другихъ вопросовъ, гражданскихъ и экономическихъ, выходитъ наружу и ожидаетъ разрѣшенія. Все ожидаетъ здѣсь другой жизни и сѣѧ!

Такъ мы закончили въ 1880 г. главу о просвѣщеніи. Теперь намъ остается занести еще важное событие — давнишнее желаніе Сибири осуществлено: Сибирскій университетъ открытъ.

Торжественное открытие первого Сибирского, или, выражаясь официально, Императорского Томского университета, порученное министром почетителю Западно-Сибирского учебного округа, состоявшимо 22-го июня 1888 года, в составе одного медицинского факультета. Самое торжество открытия происходило в университете скромном актовом зале и университетской церкви не позволяли сдѣлать присутствия на торжестве возможнымъ для всѣхъ желающихъ. томичей. Публика, за исключениемъ учащихся и высшихъ и среднеучебныхъ западній, офицеровъ и чиновниковъ, пускалась по особымъ входнымъ билетамъ, что представляло немалое препятствіе для многихъ лицъ, желавшихъ почасть на торжество открытия. Историческая важность этого дорогаго для Сибири для живо чувствовалась мѣстнымъ городскимъ обществомъ,—городъ съ утра принялъ праздничный видъ, разукрасился флагами, вездѣ только и были разговоры про «новую жизнь», которую долженъ внести открывающійся храмъ науки; мѣстные жители разнаго звания и положения, по праздничному одѣтію, спѣшили къ университету и наполнили разношерстной толпой съ самаго утра университетскій скверъ, передъ фасадомъ главнаго университетскаго кориуса, украшенного изъ фронтона национальными флагами и гирляндами живыхъ растеній. Постѣ благодарственнаго молебна въ университетской церкви, публика перешла въ актовый залъ, убранный до дня открытия гирляндами живыхъ цветовъ и троицкими растеніями, где почетителемъ учебного округа была прочитана торжественная рѣчи по поводу открытия первого Сибирского университета. Передъ началомъ своей рѣчи г. Флоринский прочелъ о Высочайшемъ разрешеніи къ открытию въ г. Томскѣ Императорскаго Томского университета въ составѣ одного медицинскаго факультета, о примѣненіи къ Томскому университету общаго университетскаго устава 1884 года, о принятіи въ число студентовъ Томскаго университета, съ разрешеніемъ министра народнаго просвещенія, воспитанниковъ духовныхъ семинарій послѣ установившаго для нихъ побѣрочнаго испытанія и объ ассигнованіи изъ суммъ государственного казначейства «на покрытие исчисленныхъ по штату расходовъ»: въ 1888 году—75.291 р. 62 к., въ 1889 г.—121.900 р., въ 1890 г.—149.600 р. и съ 1891 года—198.900 руб.

Въ рѣчи своей, обращенной къ собравшейся публикѣ, почетитель, сдѣлавъ краткій исторический очеркъ развитія университетовъ въ Россіи и благотворнаго ихъ влиянія на всѣ стороны духовной жизни русскаго народа, указалъ, что Томскій университетъ въ самомъ началѣ своего существованія обладаетъ такими

запасомъ учебныхъ и научныхъ пособій и такою богатою библиотекою, какими сдѣлали пользовался другой университетъ въ моментъ своего открытия. Богатыя коллекціи по разнымъ отраслямъ естествознанія, образуя естественно-исторический музей, даютъ достаточныя пособія для научныхъ занятій. Все это богатство Томскаго университета состоялось изъ частныхъ пожертвованій разными лицами, изъ числа которыхъ было въ особенности указано почетителемъ на имя Александра Михайловича Сибирякова, ишесшаго еще въ 1877 году въ Министерство Попечителя Просвѣщенія на учебныя пособія будущаго Сибирскаго университета сто тысячъ рублей, составившія ко времени открытия Томскаго университета съ нароеніемъ на нихъ процентами капиталъ единомъ 167 тысячъ рублей. «Этотъ крупный капиталъ, до сихъ поръ не тронутый», сказали почетитель, «послужитъ Томскому университету превосходнымъ источникомъ не только для пополнаго благоустройства всѣхъ кабинетовъ, музеевъ и лабораторій, но, можетъ быть, отчасти, поможетъ также ученымъ трудамъ университетскихъ дѣятелей». Даѣже, указавъ на капиталъ въ 90.259 р., явившійся опять-таки какъ результатъ частной благотворительности, съ цѣлью назначенія частныхъ стипендій изъ процентовъ на этотъ капиталъ, почетитель обратилъ вниманіе публики на важное, въ интересахъ массы студентовъ, значеніе выстроеннаго на частныхъ пожертвованіяхъ дома общежитія, въ 48 комнатахъ котораго «съ полнымъ удобствомъ могутъ быть помѣщены отъ 70—80 учащихся», чѣмъ устраиваются для многихъ неудобства жизни на частныхъ квартирахъ или вдали отъ университета, какъ мѣста ежедневныхъ занятій. «Будемъ же помнить и ежегодно праздновать пышнѣй, счастливый для Сибири день, какъ день духовнаго возрожденія», сказали въ своихъ заключительныхъ словахъ г. Флоринский. Постѣ рѣчи почетителя были прочитаны привѣтственные телеграммы отъ Высочайшихъ особы: отъ Наслѣдника Цесаревича, отъ Великаго Князя Константина Николаевича и Великаго Князя Михаила Николаевича. Даѣже были прочитаны телеграммы отъ министра народнаго просвѣщенія, товарища министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, отъ товарища министра юстиціи, отъ разныхъ офиціальныхъ лицъ, преосвященныхъ и представителей разныхъ вѣдомостей. Затѣмъ послѣдовали телеграммы отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведений и отъ ученыхъ обществъ Европейской Россіи и Сибири, послѣ чего, сдѣлавъ перерывъ въ чтеніи телеграммъ и адресовъ, были произнесены рѣчи профессоромъ Малеевымъ и директоромъ губернской гимназіи и училищъ Томской губерніи,

а также была прочитана, въ извлеченияхъ, историческая записка о познаніяхъ Сибирского университета, составленная ко дню открытия правителемъ канцелярии попечителя, г. Томашинскимъ. Далѣе продолжалось чтеніе адресовъ и телеграммъ отъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Сибири, отъ городскихъ обществъ, разныихъ учрежденій, редакцій сибирскихъ газетъ и отъ частныхъ лицъ. Выражая въ привѣтствіяхъ своихъ то радостное чувство, съ которымъ было встрѣчено открытие Сибирского университета, какъ «заканчившей мечты сибиряковъ» и разсадника высшаго просвѣщенія въ родномъ краѣ, многія городскія общества и пѣкторыя частныя лица реализировали свои чувства ко дню торжественнаго открытия Томскаго университета внесеніемъ посильной лепты на нужды университета и студентовъ съ одной стороны и на дѣло низшаго и средняго образования въ Сибири съ другой стороны. Такъ, семинаріальное городское общество ассигновала 1.000 р. «на уплату за слушаніе лекцій и участіе въ практическихъ занятіяхъ въ университѣтѣ»; вѣренская городская дума назначила стипендию въ 250 р. на содержаніе въ университетѣ одного изъ воспитанниковъ вѣренской гимназіи; акмолинская городская дума, «въ ознаменование такого торжественнаго для Сибири события», ассигновала 200 р. «на усиленіе средствъ библиотеки и всеномощнѣваніе бѣднымъ ученикамъ акмолинскихъ городскихъ училищъ»; омская городская дума постановила выдавать ежегодно «на содержаніе приготовительнаго класса при омской мужской гимназіи по 300 р. и на содержаніе подлежащаго къ открытию параллельного класса при омскомъ уѣздномъ училищѣ также по 300 р.»; кокчетавское городское хозяйственное управление пожертвовало 42 р. «на предварительныя нужды университета», собранные «малою горстю горожанъ»; павлодарская городская дума, «въ ознаменование столь великаго для Сибири события», ассигновала 300 р. на единовременныя пособія бѣдѣшимъ студентамъ-сибирякамъ, а также ежегодное пособіе въ 70 р. для бѣдѣшихъ учениковъ павлодарскаго городскаго училища. Кональскіе горожане постановили отчислять ежегодно по 300 р. «на учрежденіе стипендій для семирѣченскихъ уроженцевъ»; такое же точно постановленіе было сдѣлано джаркентскимъ городскимъ хозяйственнымъ комитетомъ.

Горожане Зайсанскаго поста, христіане и мусульмане, пожертвовали на библиотеку университета 50 руб.; точно такое же пожертвованіе было сдѣлано отъ Зайсанскаго общества, состоящаго изъ христіанъ и мусульманъ. Пинскское городское сословіе «постановило отчислять изъ средствъ города ежегодно по триста рублей

на учрежденіе стипендій при университѣтѣ для уроженца Семирѣчья». Томская городская дума ассигновала тысячу рублей на образованіе фонда для взноса платы въ пользу университета за недостаточныхъ студентовъ.

24 июля попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа отъ министра народнаго просвѣщенія была получена телеграмма слѣдующаго содержанія: «На всеподданѣйшей телеграммѣ вашей по случаю открытия университета Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: «Дай Богъ, чтобы Сибирскій университетъ оправдалъ мои ожиданія».

Точно также была получена отъ имени Государыни Императрицы посланная запѣдующимъ собственномъ Ея Императорскаго Величества канцелярию открытия привѣтственная телеграмма.

Учебныя занятія открылись въ новомъ университѣтѣ съ 1-го сентября 1888 года и не были стѣснены даже съ демонстративной стороны, такъ какъ почти вѣсЬ кабинеты уже къ началу семестра обладали въ достаточномъ количествѣ научными материалами и были приведены въ порядокъ.

Принятій о принятіи въ число студентовъ Томскаго университета подано было 236; изъ нихъ отказано было по разнымъ причинамъ (неокончившіе курса духовныхъ семинарій, фармацеввты и ветеринары; ограничение для лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія и паконецъ лица, уволенныя изъ другихъ университетовъ) 162 лицамъ. Изъ принятыхъ 74 человѣка «одинъ не явился по болѣзни» и одинъ вышелъ черезъ 2 недѣли по поступленіи во домашніи обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, въ числѣ студентовъ Томскаго университета оказалось 72 человѣка, изъ коихъ 30 человѣкъ были воспитанниками гимназій, 2—перешли изъ другихъ университетовъ и 40 человѣкъ изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, принятыхъ послѣ установления новѣроочаго испытанія. По мѣсту происхожденія учащіеся распредѣлялись такъ: уроженцы Сибири 44 человѣка, т. е. 61,1% и уроженцы Европейской Россіи 28 человѣка, т. е. 38,9%. Изъ уроженцевъ Сибири 18 человѣкъ, т. е. 25% отъ общаго числа студентовъ Томскаго университета, воспитывались въ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, и по отношенію къ общему числу окончившихъ (32 человѣка) въ этомъ году курсъ въ 4-хъ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа составляли 55,25%. Изъ 30 воспитанниковъ гимназій, поступившихъ въ Томскій университетъ, большинство (21 чел.) принадлежитъ къ уроженцамъ Сибири; въ числѣ же воспитанниковъ духовныхъ семинарій преобладаютъ (26 чел.) лица, прѣхавшія изъ Европейской Россіи, даже изъ такихъ дальнихъ губерній, какъ

Подольская и Екатеринославская, остальные 14 чел. семинаристовъ суть воспитанники томской (11 чел.) и тобольской (3 чел.) семинарий.

Въ отношении средствъ для существования въ продолженіи университетскаго курса большинство поступившихъ являются нуждающимися, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Изъ воспитанниковъ гимназий	семинарій	другихъ училищъ
а) дѣтей недостаточныхъ и многосемейныхъ родителей.	12	12	—
б) сиротъ недостаточныхъ и многосемейныхъ родителей.	8	17	1

Слѣдовательно, изъ 72 человѣкъ, поступившихъ въ университетъ, 50 человѣкъ, т. е. больше $\frac{2}{3}$, оказываются нуждающимися въ пособіяхъ. Такая материальная необеспеченность студентовъ обратила на себя вниманіе правленія университета; правленіе освободило многихъ студентовъ отъ платы въ пользу профессоровъ и университета или только отъ платы въ пользу профессоровъ, а также вѣсомо эту плату цѣликомъ или частью изъ имѣющихся для этой цѣли благотворительныхъ суммъ. Четверо получили стипендіи. 27 августа того же 1888 года произошло открытие дома общежитія, что дало возможность учащимся имѣть удобное и дешевое помѣщеніе: «стоимость помѣщенія съ осѣщеніемъ и прислугой колебалась отъ 4 руб. захшам до 2 руб. 50 кон. шил. въ мѣсяцъ». И действительно, къ концу ноября въ домѣ общежитія жило 58 человѣкъ, т. е. 85% отъ всего числа студентовъ. Изъ этого числа 37 человѣкъ погидались бесплатно, внося только 1 рубль за осѣщеніе. 15 октября открыта для живущихъ въ общежитіи студенческая столовая, гдѣ за 6 руб. въ мѣсяцъ можно было получать обѣдъ и ужинъ, причемъ на одного человѣка полагалось мяса не менѣе двухъ фунтовъ въ день. Въ первое же полугодіе при домѣ общежитія было положено начало библиотекѣ изъ 2-хъ отдѣловъ: учебныхъ пособій и книгъ для чтенія, завѣданіе которой возложено было на инспектора студентовъ. Возможность приобрѣтенія установленного форменного платы для студентовъ облегчена была заготовкой подряднымъ способомъ для всѣхъ желающихъ, и полная форма 'обонилась въ среднемъ не дороже 35 руб. 31 кон.; кроме того, правленіе выдало 14 лицамъ пособія для приобрѣтенія платы. Всѣ подобныя мѣры, понятно, должны были въ сильной степени смягчить нуждаемость первыхъ студентовъ первого Сибирскаго университета.

Въ «Ізвѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета» мы находимъ подробное описание имѣющихся учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ-то: анатомическаго института, кабинетовъ физическаго, минералогическаго, гистологическаго, лабораторій, библіотеки и др.

Отдѣльное двухъэтажное зданіе, обращенное окнами на югъ, съ цѣлью удовлетворительного осѣщенія и во время пасмурной зимней погоды, въ 100 шагахъ отъ главнаго университетскаго коринуса, предназначено для анатомическаго института. Здѣсь устроены водопроводная и сточная трубы и проведены газы. Площадь зданія проф. Маліева, «вмѣстимость секціоннаго зала равняется 288,2 куб. метровъ, площадь пола 81,3 кв. метровъ при высотѣ комнаты въ 3,55 метра». Форточки и тошка печей являются пока единственными вентиляторами, но предполагается въ скоромъ времени устроить «особую вытяжную трубу съ газовой горѣлкой». Въ этомъ же зданіи помѣщаются кабинеты профессора и прозектора, рабочая комната, комната для храненія посуды и приготовленныхъ мацерированныхъ костей, а также и музей анатомическаго института; въ послѣднѣй выставляются по мѣрѣ приготовленія препараты по всемъ отдѣламъ анатоміи. Трупы доставляются въ анатомическій институтъ изъ томской центральной пересыльной тюрьмы, изъ томскаго губернскаго пересыльного замка, благодаря значительному склоненію арестантовъ къ сильной смертности между ними, въ большомъ количествѣ; также и городская больница служить поставщикомъ труповъ. Для храненія труповъ, недалеко отъ анатомическаго института, устроены часовни — красивое, двухъэтажное зданіе, и ледникъ. Такая особенность матеріала для изученія, каковыми являются трупы преступниковъ, даетъ поводъ профессору Маліеву высказать такое мнѣніе: «Несомнѣнно, что современемъ при зданіи анатомическому институту можетъ образоваться значительная кримінологическая коллекція, интересная какъ для криминалистовъ, такъ и для антропологовъ, изучающихъ физическую особенности преступниковъ. Въ этомъ отношеніи Томскъ постапелъ болѣе счастливъ, чѣмъ даже обѣ наши столицы». Статейные списки умершихъ арестантовъ доставляютъ достаточный свѣдѣнія о преступникахъ: ихъ происхождений, лѣтахъ, причинахъ смерти, характерѣ совершенного преступленія и др. Такія данные надписываютъ на самомъ черепѣ послѣ приготовленія его.

Физический кабинетъ состоитъ изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ предназначены для практическихъ занятій, а третья, обращенная окнами на югъ, служить для оптическихъ опытовъ, а также и библіотекою при физическомъ кабинетѣ. Физический

кабинетъ помѣщается въ 1-мъ этажѣ главнаго корпуса, а въ подвалѣ помѣсть—предназначается устроить механическую мастерскую. Гистологическій кабинетъ занимаетъ также 3 комнаты иъ 5, въ 2 и въ 1 окно; во всѣ комнаты проведенъ газъ. Въ своемъ описаніи гистологического кабинета, профессоръ Доггель говоритъ, что «гистологическій кабинетъ располагаетъ вполнѣ достаточнымъ количествомъ мебели, готовыхъ микроскопическихъ и спиртовыхъ приспособлений, реагентовъ, посуды и пр. для того, чтобы вести систематически и демонстративно теоретический курсъ и практическія занятія по гистологии».

Химическая лабораторія помѣщается въ подвалномъ этажѣ и состоять изъ 3-хъ комнатъ. «Въ виду отсутствія отдѣльныхъ камеръ, ниже подвалного этажа, говоритъ профессоръ Залѣсскій, предполагается, для усиленности вентиляціи, устроить вентиляторы съ рожками для свѣтильного газа».

Зоологический музей состоять изъ одной комнаты и обладаетъ довольно цѣнными коллекціями, какъ-то: коллекція без позвоночныхъ, пожертвованная Норденшильдомъ; богатая, еще не приведенная въ научную известность благодаря своей обширности и рѣдкости, коллекція птицъ (шкурокъ), пожертвованная стенимъ генераль-губернаторомъ Г. А. Колпаковскимъ, цѣнная коллекція млекопитающихъ, собранная въ Кульджѣ и Семирѣчиѣ И. Ф. Каменскимъ и др.

Минералогический кабинетъ состоять изъ трехъ комнатъ и «достаточно снабженъ различными приспособленіями для практическихъ занятій студентовъ и для работы профессора и его ассистента». Цѣнность имѣющихся минералогическихъ, петрографическихъ и палеонтологическихъ коллекцій опредѣляется, приблизительно, въ 3.800 руб.

Ботанический кабинетъ изъ 3 комнатъ имѣеть ботаническую лабораторію и музей ботанической географіи. «Въ южной части университетского мѣста» расположены ботаническій садъ площадью около 6.000 кв. саженъ. Оранжерея, нагреваемая калориферами и боровыми печами, имѣеть одно отдѣленіе для тропическихъ растеній и два—для растеній, произрастающихъ въ тропикахъ. Въ ботаническомъ же саду имѣются также питомники для медицинскихъ и цемедицинскихъ растеній, древесныхъ породъ и кустарниковъ, систематический отдѣль—для растеній преимущественно Сибири, выдерживающихъ жесткий климатъ и «сгруппированныхъ по естественной системѣ», тепличка, варники.

Университетская библиотека имѣеть три отдѣленія: иностраннѣе, русское и медицинское. Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ

20.000 названій книгъ. «Книгами занято 97 шкафовъ, заключающихъ около 60.000 томовъ». Громадное большинство книгъ живлось, какъ результатъ пожертвованій. Такъ, графомъ А. Г. Строгановыимъ пожертвованна замѣчательная библиотека, легкая, по словамъ библиотекаря, «въ основу» этого отдѣленія; далѣе идутъ пожертвованія князя Голицына, проф. Осипова, Тютчева, Эвальда, Ориатскаго, Гильбова, графа Литке, Орлона и др.; затѣмъ приобретены книги «на пожертвованія средства изъ дублетовъ Императорской публичной библиотеки и С.-Петербургск., изъ библиотеки А. В. Жуковскаго, проф. Ростиславова и др.». На казенные средства куплена библиотека г. Валуева.

«Русское отдѣленіе библиотеки занимаетъ пространство по площади пола иѣсколько большее, чѣмъ иностраннѣе; въ немъ помѣщается 36 шкафовъ, заключающихъ до 10.000 названій книгъ. Число это, впрочемъ, предположительно, такъ какъ «каталогизированіе этого отдѣла еще не закончено». Третье отдѣленіе для медицинскихъ изданий, по размѣрамъ своимъ равное русскому отдѣленію, заключаетъ въ себѣ въ настоящее время до 6.000 томовъ, главнымъ образомъ состоящихъ изъ книгъ, пожертвованныхъ профессоромъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскимъ и проф. В. А. Басовымъ. Сюда же войдутъ книги, приобретаемыя на штатныя средства библиотеки, и библиотека проф. Лавиневича, завѣщенная Томскому университету. Въ концѣ 1888 года общее количество томовъ библиотеки простирадлось до 96.000».

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о фармацевтическомъ кабинетѣ и лабораторіи при немъ для практическихъ занятій студентовъ и объ археологическомъ музѣ; въ послѣднемъ заключается свыше 2.660 разныхъ предметовъ. «Подробное описание музея напечатано отдѣльной книгой (Археологический музей Томскаго университета. Томскъ. 1888 г.)».

Музеи университета могутъ оказать услугу въ ознакомлении съ наукой не только студентамъ, но и обществу, если только музеи не будутъ закрыты для публики. При хорошей организаціи дѣла и привлеченія общества можно ожидать, что коллекціи университета выростутъ.

Томскій университетъ помѣщается въ новой части города Томска, большую частью на низменности, живоющею събывающей къ берегу р. Томи, и имѣть въ своей чертѣ пространство земли площадью въ 89.422 кв. сажени. Главный корпусъ университета, обращенный своимъ фасадомъ къ главной улицѣ города Томска, находится въ глубинѣ университетскаго парка, состоящаго почти сплошь изъ красивыхъ, старыхъ березъ. Самое зданіе

университета, длиною по фасаду 106 саженъ, въ средней выдающейся своей части, гдѣ находится и университетская церковь, состоитъ изъ трехъ этажей; боковыя же части университета двухъ-этажныя. Къ послѣднимъ непосредственно, съ обѣихъ сторонъ, еще дальше удаляясь отъ линіи фасада, симметрично прилегаютъ два трехъ-этажные флигеля, предназначенные для служащихъ въ университѣтѣ. По линіи улицы, на протяженіи 245 саженъ, тянется высокая металлическая рѣшетка на каменныхъ столбахъ. Между рѣшеткою и фасадомъ университета разбитъ большой и красивый скверъ, съ клумбами цѣвтоицъ и группами декоративныхъ кустарниковъ; искусственно разведенныя въ немъ сибирскій кедръ, пихта и лиственица — эти типическіе представители древесной растительности Сибири — пропагандируютъ пріятное впечатлѣніе среди окружающихъ ихъ старыхъ березъ университетскаго парка. Въ центральной части сквера устроенъ фонтанъ, въ равномъ разстояніи отъ которого, по бокамъ сквера, на особыхъ пьедесталахъ установлены имѣющія большой археологическій интересъ дѣй массивныя каменныя бабы, привезенныя — одна изъ Семирѣченской, другая изъ Семипалатинской области. Позади зданія университета выстроены службы, а за ними снова тянется тотъ же старый бересовый паркъ; подъ горой, за паркомъ, находится небольшое озеро. Созданная еще въ 1880 году часть горы предназначена для проведения шоссированной дороги къ берегу рѣки Томи. На этой же сторонѣ университетскаго мѣста, на вершинѣ одного изъ откосовъ, обложеныхъ дерномъ, находится земляной курганъ, «горки», одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ сибирской археологии. Красивый и далекій видъ на Томь и противоположный ея берегъ съ этого кургана сдѣлали давно послѣдний любимымъ местомъ посѣщенія мѣстной публики. Вообще, надо замѣтить, что по красотѣ мѣстоиоложенія, массивности и стройности зданія, Томскій университет едва ли уступаетъ какому-либо изъ имѣющихъ въ Россіи университетовъ. Одинъ изъ туристовъ, посѣтившихъ Томскъ, говорить:

«Представьте себѣ обширную бересовую рощу (къ сожалѣнію, только бересовую, чтобъ не сколько однобразной), въ которой разбросаны каменные университетскіе флигеля съ главнымъ 4-хъ-этажнымъ коринтомъ, занимающимъ большую площадку въ срединѣ этой рощи, говорить путешественникъ. — Само зданіе университета, ярко выдѣляющееся своимъ бѣльемъ цѣвтомъ изъ густой зелени травы и деревъ, по красотѣ превосходитъ всѣ зданія русскихъ университетовъ, не исключая и Кіевскаго».

Одновременно съ закладкой университета заложенъ былъ на собранный пожертвованія «домъ студенческаго общежитія».

«Въ первомъ полугодіи, по словамъ отчета, число студентовъ, помѣщавшихся въ упомянутомъ домѣ, равнялось въ среднемъ 96; въ этомъ числѣ 13 казенныхъ стипендіатовъ и 83 своеиздѣтныхъ; во второмъ полугодіи помѣщались казенные стипендіаты (13) и частные числомъ 45, а также своеиздѣтныхъ числомъ 17. Въ 1891 году со стипендіатами казенныхъ и частныхъ за приселугу и освѣщеніе взималось по 6 р. въ мѣсяцъ. Вообще же содержаніе дома общежитія израсходовано 6.484 р. 53 к.; содержаніе же всего университета обошлось въ 157.295 р. 94 к.»

22-го октября 1891 г. въ присутствіи всего состава профессоровъ во главѣ съ ректоромъ, а также порядочнаго количества публики и студентовъ, совершился актъ молодаго университета. Профессоровъ къ 1-му января 1891 г. состояло 17; изъ работъ послѣднихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: профессора Лемана физо-химической очеркъ, подъ заглавиемъ «Сибирские орнаменты и ихъ составленіи части», помѣщенный въ фармацевтическомъ журнале; проф. Каценко «Задачи зоологии въ Сибири», а также работы чисто научнаго характера профессоровъ Курлова и Догеля. Работы послѣднихъ печатались въ заграниценныхъ, преимущественно германскихъ, изданіяхъ. Учебное дѣло въ прошломъ году находилось въ хорошихъ условіяхъ. «Всѣ кабинеты и лабораторіи, — говорить отчетъ, — были обставлены настолько полно, что преподаваніе и практическія занятія со студентами велись систематически». Что касается учащихся, то послѣднихъ къ 1-му января 1890 г. числилось 190 студентовъ и 5 постороннихъ слушателей. Но, къ сожалѣнію, изъ упомянутаго числа въ теченіи 1-го полугодія выбыло 26 студентовъ и 3 постороннихъ слушателей, првчъ изъ выбывшихъ 11 для поступленія въ другіе университеты, 8 по невозможности продолжать образование (по болѣзни 5 и изъ-за средствъ — 3), 2 за смертью и 5 по другимъ причинамъ». Въ августѣ истекшаго года прошелъ о зачисленіи въ слушатели университета поступило 122; было принято 102 въ 5 вольнослушателей. Въ силу этого во 2-е полугодіе число студентовъ ранилось 266 и вольнослушателей 7; изъ общаго числа 273 выбыло во 2-е полугодіе 4 студента. Къ 1-му января 1891 г. число студентовъ опредѣлилось въ 262, вольнослушателей — въ 7; къ этому же времени по курсамъ учащіе распределѣлись такимъ образомъ: на I—116, на II—109 и III—37. Таблица о распределеніи учащихся по мѣсту первоначального воспитанія сообщаетъ, что число бывшихъ воспитанниковъ гимназій равно 81, т.-е. 30,91% общаго числа студентовъ; воспитанниковъ духовныхъ семинарій 174, т. е. 66,42% общаго числа; другихъ высшихъ учеб-

ныхъ заведеній 5, т. е. 1,91%, и воспитанниковъ учительскихъ семинарій 2, т. е. 0,76% общаго числа студентовъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что воспитанниковъ сибирскихъ гимназій всего лишь 66 челов., а духовныхъ сибирскихъ семинарій 20 человѣкъ уроженцевъ Сибири; такимъ образомъ, къ 1-му января 1891 г. значилось 90 (въ этомъ числѣ 2 киргиза изъ учительской семинаріи и 2 московскихъ студента изъ сибиряковъ), а въ % 34,35, Европейской Россіи 172, т. е. 65,65% общаго числа. По иѣроисповѣдaniю студенты распредѣлялись: правосланныхъ 225, іудеевъ 27, т. е. 10,31% общаго числа студентовъ, католиковъ 5, лютеранъ 3 и магометанъ 2.

Новый Сибирскій университетъ, какъ мы видимъ, въ первые годы дѣлаетъ шаги и совершаєтъ свой ростъ. Дай Богъ, чтобы онъ не остановился, а число слушателей увеличивалось! Такъ какъ открытие университета по плану предполагало всѣ четыре факультета, то нужно ожидать, что будуть въ недалекомъ будущемъ открыты и другіе факультеты; на медицинскій факультетъ вынуждены были выбрать, какъ па таковой, па который потребовалось больше заботы. Другіе факультеты уже открыть легче.

Сообразно выраженнымъ пожеланіямъ и взглядамъ па новый университетъ, высказаннымъ при его основаніи, онъ долженъ будить удовлетворить всесторонне потребность окраины въ образованныхъ людяхъ различныхъ специальностей. И некоторые высказываютъ совершение основательное соображеніе, что при Сибирскомъ университѣтѣ долженъ возникнуть когда-нибудь и восточный факультетъ съ тюркскимъ, китайскимъ, монгольскимъ и другими языками. Дѣйствительно, если где необходимо примѣненіе этихъ языковъ, то на азіатской окраинѣ въ сосѣдствѣ съ Китаемъ, Японіей и другими восточными странами. Тогда это будетъ настоящій «свѣтъ Азіи».

Въ сибирской печати говорилось и о другихъ задачахъ Сибирскаго университета. Въ одной статьѣ, между прочимъ, писалось слѣдующее:

«Наша отдаленная окраина въ образованныхъ женщинахъ нуждается, конечно, отнюдь не менѣе Европейской Россіи. Женщина-врачъ для Сибири, изобилующей ицородческимъ элементомъ, пожалуй, гораздо важнѣе еще, чѣмъ для Европейской Россіи. Мы не станемъ вспоминать о плодотворной дѣятельности женщинъ-врачей въ Туркестанскомъ краѣ, въ амбулаторныхъ лечебницахъ Ташкента и др. городовъ.

«Мусульманки, какъ известно, ни за что не обратятся за врачебной помощью къ врачамъ-мужчинамъ,—это запрещается имъ и

религіей, и обычаевъ; къ женщинѣ же врачу, какъ доказать опытъ, онъ обращаются весьма охотно. Да и коренное русское населеніе съумѣло достаточно оценить полезную дѣятельность женщинъ-врачей: послѣднія и въ Тобольскѣ, и въ Иркутскѣ, и въ Омскѣ,—всюду, куда они проникли, пользуются всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Читатели помнятъ, конечно, какъ въ Тобольскѣ недавно всенародно хоронили женщину-врача—Гробовскую, которую провожали до кладбища буквально весь городъ, начиная съ губернатора и кончая чернорабочими. Въ одномъ изъ захолустьевъ Юго-западной Сибири—Змыниогорскѣ—бѣль подвидалась женщина-врачъ А. М. Дубенецкая, и когда она, мѣсяца 3 назадъ, выѣхала въ Барнаулъ, одинъ изъ местныхъ корреспондентовъ писалъ: «А. М. списала себѣ обицую любовь и благодарность, особенно въ кругу бѣднаго сословія. Можно съ уверенностью сказать, что въ Змыниогорскѣ не найдется ни одного человѣка, который искренне не сожалѣть бы о ея отъѣздѣ. Большая часть жителей Змыниогорска и прилежащихъ къ нему рудниковъ и заводовъ, особенно женщинамъ, долго будутъ помнить свою любимую «докторшу».

Одна «Сибирячка», приѣстившая въ 1885 г. (въ № 37 нынѣшней газеты «Сибирь») предстоявшее тогда открытие университета въ Томскѣ, выразила при этомъ надежду, что при немъ откроются и высшіе женскіе курсы. Мы полагаемъ, что надежду эту раздѣлила и раздѣляетъ не одна сотня учащихся дѣвушекъ-сибирячекъ. Томскіе профессора не должны игнорировать этихъ надеждъ. За материальными средствами, мы увѣрены, дѣло не стало бы. Надѣюсь, что въ числѣ пожертвованій, давшихъ возможность возникнуть женскимъ медицинскимъ курсамъ въ Петербургѣ, фигурировало на первомъ мѣстѣ крупное пожертвованіе сибирячки (г-жи Родственской).

Можно витать полную увѣренности, что разъ томскіе профессора взяли бы на себя инициативу организовать при университѣтѣ высшіе курсы для женщинъ, къ пимъ явились бы на помощь съ материальными средствами и частныя лица, и городскія думы.

Сибирская женщина давно уже добилась признания за ней обще-человѣческихъ правъ. Образованіе въ общей массѣ сибирской женской населеніи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется. Довольно замѣтная часть сибирского населения едва ли сомнѣвается уже въ томъ, что для женщины важно и необходимо высшее образованіе во имя разумной семьи, во имя разумного и раціональнаго воспитанія нашего подростающаго поколѣнія.

Первыми профессорами нового Сибирскаго университета пельзя

не идти на встречу такому настроению. (Вост. Обозръи. 1890 г. № 32).

Для внутренней жизни Сибири желательно, чтобы новый университет жил в тесной связи и общении съ местнымъ обществомъ и не чуждался этого общества, по замыслу образованную отчужденную среду. Недостатокъ приезжихъ образованыхъ людей и слабое влияние ихъ на просвещение края въ томъ и заключалось, что заражай интеллигентъ милю себя выше и отдѣлялся въ кружки, не имѣя ничего общаго съ окружающей жизнью.

Лучшіе профессора Томского университета уже полагаютъ начало этому общенію, читая публичныя лекціи; въ Томскомъ университете была устроена даже выставка для публики, имѣвшая въ виду ознакомить съ научными коллекціями. Профессора Томского университета начинаютъ дѣлать научныя изслѣдованія въ Томскѣ и его окрестностяхъ (проф. Зайцевъ), наконецъ совершаютъ путешествія въ различные районы Сибири, какъ, напр., даровитый профессоръ ботаникъ Коржинскій, сдѣлавший плодотворную поездку на Амурь въ лѣто 1891 года. Проф. Залѣсскій совершилъ поездку на оз. Инголь. Такія услуги обществу и странѣ будутъ вполнѣ оценены. Общество научится приходить на помощь предпріятіямъ университета.

«Жизнь замкнутыхъ казенныхъ университетовъ прошлаго времени не дала плодовъ, ученое сословіе, чуждавшееся общества, мало приносилъ пользы общественному развитію. Замкнутая жизнь вела къ казенному, формальному отношенію къ наукѣ, къ мертвой сходстинѣ, къ анатоміи профессоровъ, не ищущихъ пониженія и сочувствія, къ равнодушію и къ пониженню научныхъ требованій. Въ замкнутыхъ университетахъ часто поселялась интрига», пишетъ одинъ авторъ о положеніи университетовъ.

«Новая жизнь и исторія поставила новые требования для университетовъ. Прошло время выправки фельдфебельской дисциплины, подавленія личности и приижженія студента. Гуманизмъ XIX вѣка поднялъ духъ университетской корпораціи, въ образованной средѣ должно уважаться чувство человѣческаго достоинства, чтобы научить вѣольствіи людей выходящихъ оказывать услуги обществу, уважать ихъ въ другихъ. Дружная университетская семья истиинно образованыхъ людей должна быть лишена подобострастія, подслушивания, наушничества и фискальства» (Историкъ, очеркъ о положен. русск. университетовъ).

Жизнь русскихъ университетовъ устраивалась не сразу. Начало существования Казанского университета составляло противово-

положность Харьковскому. Къ послѣднему общество отвѣлось съ подпрыгъ сочувствіемъ, онъ принялъ сразу симпатіи, благодаря гуманной личности графа Потоцкаго. Не таково было положеніе дѣлъ въ Казани, где Румовскій обнаружилъ холодное отношеніе къ дѣлу, быть чуждъ живыхъ стремлений вѣка и не умѣть установить добрыхъ отношеній въ университетской средѣ. Какъ описываетъ профессоръ Буличъ, въ университете гипнозилась интрига, лесть и недовѣрчивое отношеніе въ молодежи (см. «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета 1805 — 1819 г.» И. Булича, ч. I. Казань 1887 г.).

Пожелаемъ, чтобы новый Сибирскій университетъ избѣжалъ печальныхъ примѣровъ и привлекъ къ себѣ уваженіе и симпатіи общества.

Будемъ надѣяться, что начальство новаго Томскаго университета будетъ относиться съ особою заботой къ нуждамъ учащихся. Въ Сибирскій университетъ, какъ видно изъ отчетовъ, стремятся бѣдяки, дѣти бѣдного духовенства, наконецъ въ Сибири, какъ въ странѣ, где быть выдающихся классовъ, но существуютъ пебогатое чиновничество, бѣдное мѣщанство и громадное большинство крестьянъ, которымъ предстоитъ приходить на помощь.

Немыслимо требовать, чтобы получили образование одни богатые, и кто бы они были въ Сибири? Богатые лавочники, винокуры, будущіе стачечники. Но не для нихъ основанъ университетъ Высочайшего пласта.

Увеличеніе стипендій и привлеченіе общества къ оказанию пособій учащимся является такимъ образомъ наступаюю задачею рядомъ съ жизнью университета.

Изъ таблицы, говорящей о происхожденіи студентовъ въ связи о достаточности каждого, видно, что 196 лицъ, т. е. 65,19% общаго числа, не обезпечены въ средствахъ къ продолженію образования; въ силу этого изъ числа недостаточныхъ студентовъ 65 челов. пользовалось стипендіями; нарасходовано было въ теченіи года 10.011 р. 78 к.; кроме стипендій, выдавались пособія изъ специальныхъ средствъ университета, изъ благотворительныхъ и т. д., такъ что «недостаточнымъ студентамъ въ томъ и другомъ видѣ» было выдано въ 1890 году 13.782 р. 28 к. Помимо этого, изъ числа неимущихъ студентовъ было освобождено отъ платы въ 1-мъ полугодіи 29 лицъ и во 2-мъ 44. Въ общемъ, какъ видно, положеніе студентовъ неизвѣдно; приходится имъ какъ обращаться за пособіемъ въ правленіе университета, такъ и искать заработка въ видѣ урока или переписки какихъ-нибудь бумагъ. Уроки, надо сказать, даютъ самый жалкий заработокъ; предло-

женіе велико, и уроки въ цѣнѣ уиали. Урокъ въ 10 руб. въ мѣсяцъ счи-
тается порядочнымъ; есть уроки и въ пять руб. За послѣднюю
цифру бѣдныгъ-студенту приходится проводить часа два съ по-
ловиню, разстраивать себѣ, свою первую систему, понукать плохо
мыслящаго ученика первого или втораго класса. Гг. иниматели
совсѣмъ игнорируютъ положеніе студента.

Годъ тому назадъ, нужды и липенія студентовъ Томскаго уни-
верситета обратили общее вниманіе и вызвали обращеніе даже
столичной прессы. Даже бѣдные артисты томскаго театра съ
благороднымъ порывомъ желали прийти на помощь и дать спек-
такль въ пользу бѣдствовавшихъ студентовъ.

Бѣдствія студентовъ вызвали вниманіе и томскихъ благотво-
рителей. Въ самомъ домѣ общежитія требованія для бѣдняковъ
были высоки, притомъ третья часть стипендій бралась по по-
ложению впередъ, разныя хозяйственныя принадлежности оцѣнива-
лись довольно высоко и студенчество ило неохотно въ этотъ домъ.
Студенты на частныхъ квартирахъ бѣдствовали и плохо питались.

Томское благотворительное общество, однако, пришло на по-
мощь и, благодаря энергіи частныхъ лицъ, въ 1891 г. открыта въ
Томскѣ нормальная столовая по примѣру столичныхъ, где stu-
дентъ-бѣдникъ могъ получать здоровый и шкунный обѣдъ за 3 р.
въ мѣсяцъ, т. е. дешевле даже, чѣмъ въ общежитіи. Нельзя было
не радоваться такому факту. Положеніе студентовъ потребуетъ,
можетъ быть, не разъ заботъ и помощи, которымъ сибирское обще-
ство должно отклинуться.

Пожелаемъ же новому Сибирскому университету, во-первыхъ,
осуществленія полнаго количества факультетовъ, во-вторыхъ, долго-
лѣтія и процвѣтанія иль немъ науки среди мира и тишины, при
взаимной связи студентовъ и профессоровъ, созидающихъ важность
своего призванія и назначенія на отдаленной окраинѣ, признан-
ной исторіей къ жизни и обновленію.